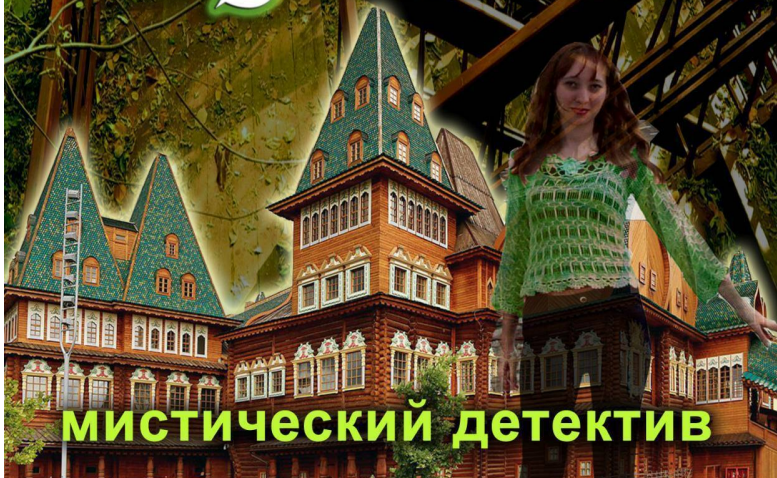

Маргарита МАЛИНИНА

Душа, плененная Туманом

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Маргарита Малинина

Душа, плененная туманом

Серия «Мистические усадьбы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43640832

Душа, плененная туманом / Маргарита Малинина: Авторское; 2019

Аннотация

Голосов овраг в Коломенском известен как межвременной портал. По легенде, в 19 веке двое крестьян решили сократить путь к своему селу через этот овраг. С удивлением разглядывали недобрый зеленоватый туман, в котором тонула предстоящая тропа, но решились идти. Когда вышли к селу, оказалось, что с момента их ухода прошел 21 год и они давно считались пропавшими без вести. Вот и Лиза, и без того повидавшая много боли и ужасов на своем веку, становится свидетелем того, как подросток буквально растворяется в зеленой дымке. Вместе с матерью пропавшего она берется за расследование. Оказывается, мальчик был не первым за последнее время. Реальны ли перемещения во времени или это чья-то ловкая мистификация, скрывающая похищение или убийство? Лиза берется за эту жуткую загадку, но только чтобы отсрочить еще более страшное дело, которое она должна довести до конца...

Маргарита Малинина

Душа, плененная туманом

У меня не было настоящего, я отказалась от прошлого, да и мое будущее стояло под вопросом. Я прожила чужую жизнь, но от чужого будущего решительно отказывалась. Я находилась в тупике, оттого с большими надеждами взидала на распластанную подо мной пропасть.

Начинало смеркаться. Посетители давно покинули территорию усадьбы, а если и остались, то предавались веселью в другой его части, в цивилизованной, близкой к воротам, украшенной красивыми церквями и иными многовековыми архитектурными сооружениями. А в этой части усадьбы царили тревога, пустота и одиночество, которыми я упивалась с жадностью потерянного в пустыне зверя.

Единственное, что портило декадентскую идиллию, – это малая высота лестницы, на которой я стояла, опираясь на резные деревянные перила. Было очевидно, что если я переleзу через них и спрыгну, то отделаюсь синяками и легким сотрясением мозга. Стало быть, для перехода в новую жизнь нужно использовать какие-то иные, более надежные, методы.

Поднявшийся ветер гнул ветки деревьев, плотно обступивших зигзагообразную лестницу, и заставлял скрипеть хрупкие коричневые перила. Я бы давно уже замерзла и ста-

ла бы кутаться в удлиненный плащ, но я разучилась ощущать холод. Я бы удивилась, почему такая истинно апрельская погода гуляет в конце мая, но я разучилась различать сезоны.

Однако, если и оставалось что-то, чему я еще не разучилась, то это – чувствовать приближение чужаков. Я быстро поняла, что лестница скрипит не только от ветра: по ней кто-то тяжело ступал. Обернувшись, я увидела паренька лет тринадцати. Он спускался по лестнице вниз, к оврагу. Когда он поравнялся со мной, я заметила, насколько напуганным и поглощенным в свой внутренний мир было его лицо. Он явно меня не заметил. И явно испытывал страх. Не знаю, чем привлек меня мальчишка, но я так и смотрела ему вслед, пока он, медленно и тяжело ступая, не достиг земли и не пошел вдоль вяло текущего ручья в сторону каких-то зарослей. Что-то таинственное было в том, что одинокий подросток с печатью ужаса в глазах куда-то идет размеренным шагом, словно зомби. Ни наушников от плеера в ушах, ни мобильного в руках, ни резвых дружков вокруг. Где вы видели таких подростков?

Еще раз оглядев сверху светлый чуб и темную ветровку, я вдруг ощутила непонятного рода укол в сердце и припустила за ним. Оказалось, что в зарослях была проложена тропа, густые зеленые ветви деревьев мне просто сверху не позволяли ее разглядеть.

Небо становилось темно-серым. Ветер выл и колыхал пояс моего плаща. Рядом тек тихий ручей. Я шла по дну глубо-

кого безлюдного оврага. Мальчика впереди не было видно, но тропинка немного изгибалась, и я надеялась, что все же смогу его догнать.

Через пару минут меня начал поглощать испуг. Я не знала, из-за чего так отчаянно трусил пацан, но все его страхи самым непостижимым образом передались моему, казалось бы, уже окаменевшему сердцу. Из-за боязни потерять то ли его, то ли саму себя, я ускорила, а затем и вовсе перешла на бег. Наконец, где-то впереди я различила его фигуру. Странно, мальчик двигался так же медленно, как и раньше, оставалось только гадать, почему я не могла догнать его. В этом месте время будто текло как-то иначе, причем для каждого человека по-своему.

Чувствуя себя Алисой в Зазеркалье, я продолжала бежать, как тут увидела густое облако тумана впереди. Он был каким-то живым, он двигался в каком-то лихом танце смерти и, что самое удивительное, имел выразительный зеленоватый оттенок... Может, это заходящее солнце так играет с цветом?

Я остановилась ровно в ту секунду, когда парень сделал шаг навстречу этой загадочной дымке. Онемев от ужаса, я наблюдала, как сперва его правая нога и левая рука исчезают в зеленоватом тумане, затем – как туда засасываются левая нога и правая рука, и, наконец, как уходят затылок и капюшон ветровки. Я хотела крикнуть что-то вроде «Стой!», но не могла пошевелить языком. Да и потом, услышал бы он

и обернулся, что дальше? Мальчик, по всей видимости, не считал этот туман опасным, иначе бы развернулся без моих подсказок. А может, он по-прежнему был поглощен своими думами и просто ничего не заметил.

Я закрыла глаза, отдышалась и поймала себя на том, что делаю шаги вперед. Зачем? Чем мне так не угодил этот подросток? Почему я не могу всего-навсего оставить его в покое и вернуться домой? И тут же напредила себе: «У меня нет дома».

Туман приближался. Я видела движения воздуха внутри него, словно это были язычки буйного пламени. Подойдя вплотную, я стала различать продолжение оврага, мутное, затянутое густой дымкой. Парня не было видно. Я хотела позвать его, но боялась вымолвить и звук. Я хотела идти за ним, но боялась сделать шаг вперед. Тогда я просто протянула руку, и ее тут же обступили клубья зеленоватого облака. Не почувствовав ничего плохого, я уже смелее пошла вперед. В ту же секунду услышала отрывистый шум, похожий на лязг железа.

– Эй, – наконец позвала я, но тишина была такой скрытной, что не желала отвечать. Тогда я зашагала быстрее. Во всей этой атмосфере ощущалась некая угроза, и мне хотелось спасти мальчишку от чего-то страшного, хотя я не могла определить, почему мне казалось, что с ним что-то такое обязательно произойдет.

Холмы были подернуты дымкой болотного цвета, ручья и

тропы практически не было видно. И все же я шла вперед, иногда стремительно и шустро, иногда боязливо и медленно. В какой-то момент я услышала плеск воды. Сначала я подумала, что это привет от Москвы-реки, к берегу которой я потихоньку приближалась, но через пару минут, когда туман рассеялся, я увидела, что вышла к прудам. На ближнем ко мне купались мелкие утки. «Самое время», – язвительно подумала я, сверяясь с часами. Половина девятого. Скоро закроют ворота, а мне еще к ним топать пару километров.

Повздыхав еще для порядка половину минуты, я направилась к выходу. Покинув Коломенское, поехала в отель. По дороге думала только об одном: или паренек мне привиделся, или, шагая по оврагу, он таинственно исчез.

* * *

Каждое утро я жалею о том, что снова проснулась. Каждую ночь, ложась спать, я молю себя: «Только не просыпайся!» Но пытки продолжаются. Вот и сегодня, пробудившись от собственного крика, я отдышалась и отправилась в душ.

Даже в этом городе воспоминания не покидали мою израненную душу. Я взяла зубную щетку, и в голове сразу возник мальчишеский альти: «Лиза, а зачем надо чистить зубы?»

– Ты же не хочешь вырасти большим, красивым, но беззубым, правда? – ответила я вслух эфемерному призраку. – Поэтому нужно их чистить дважды в день.

Я с остервенением швырнула щетку в неудобную гостиничную ванну и вернулась в комнату. Чтобы избавиться от воспоминаний, оделась и вновь поехала в Коломенское.

Я гуляла по набережной и пила обжигающий кофе из одноразового стаканчика, когда мой взгляд наткнулся на женщину, подходящую к каждому отдыхающему с каким-то листом бумаги. Не знаю, почему я обратила не нее внимание. Я хотела даже подойти, чтобы увидеть, что именно она показывает всем, но, вычислив ее траекторию, поняла, что она все равно пройдет мимо меня. Тогда я замерла возле занятой пожилыми людьми лавочки и стала ждать. Через несколько минут дама лет сорока пяти с высвеченными до бледно-желтого цвета дешевой краской волосами до плеч сунула и мне тот самый листок, сопроводив его вопросом:

– Простите, вы не видели моего сына?

С бумаги формата А4 на меня смотрело лицо светловолосого подростка, того самого, за которым я шла вчера по оврагу...

* * *

В первый момент у меня сперло дыхание. Затем я спросила:

– А что с ним случилось?

– Вчера он поехал в этот парк. Домой так и не вернулся. – Голос женщины задрожал. Несмотря на общую ухожен-

ность – маникюр, приличная одежда, макияж, причесанные волосы, пусть и некрасивого оттенка, – женщина казалась пьющей. Наверно из-за опухшего лица, сообразила я. Однако оно могло быть таким и по другой причине, скорее всего, она проплакала всю ночь, вот и разгадка.

– А вы в полицию обращались? – поинтересовалась я.

– Да вы что! Сейчас только полдень. Никто и слушать не станет. Вот если бы зацепки какие-нибудь.

– Я дам вам зацепки.

В ответ на удивленный взгляд женщины я рассказала ей все, что было вчера вечером, и даже вызвалась показать то самое место. Так мы и очутились на деревянной лестнице, где я единственный раз четко видела лицо ее сына.

– Как вы сказали, Лиза? Зеленый туман? – Мы уже успели представиться друг другу. Женщину звали Надежда Горохова. Отчество она не назвала, посчитав это излишним и вроде бы даже обидевшись на мой вопрос. Я знала, что последние месяцы выгляжу намного старше своих лет, потому не удивилась и отстала. Надежда – так Надежда. Какая мне, в общем-то, разница.

– Да.

– Господи, Боже милостивый! – Женщина стала креститься.

– Что такое?

– Он переместился во времени!

Так, еще сумасшедших мне не хватало. Своих проблем по

горло.

– О чем вы? – напряженно уточнила я.

– Вы что, не слышали легенду о Велесовом овраге?

– О каком овраге?

– Лиза, вы, наверно, неместная? – предположила она.

– Вы правы, я из Тулы. Живу здесь пару дней всего. Так что за легенда?

– Ну, Тула недалеко, – непонятно к чему добавила Надежда. – Да и по всем каналам показывали документальный фильм про Голосов овраг.

– Про какой овраг? – совсем запуталась я.

– Ну, в старину он назывался Велесов, от имени бога Подземелья Велеса. Сейчас называют Голосовым. Так вот, это место известно как межвременной портал.

– Портал? – Я не верила своим ушам. Не знаю, почему я продолжала слушать эту чокнутую. Видимо, из уважения к пропавшему мальчику, все-таки она его мать.

– Да. Люди, попав сюда в определенный момент, когда овраг излучает зеленоватое свечение, перемещаются во времени. Я всю ночь смотрела видеоролики и читала статьи на эту тему в Интернете. Так вот, в начале XIX века двое крестьян решили сократить путь к своему селу через этот овраг. С удивлением разглядывали недобрый зеленоватый туман, появившейся в лощине, но все-таки решились идти. Когда вышли к своему селу, заметили, что оно выглядит как-то по-новому. Из жителей, выходивших им навстречу, двух дру-

зей никто не узнавал! А раньше их знал каждый. Да и они не понимали, куда вдруг подевались все их знакомые. С трудом нашли свои дома, но там их встречали одинокие старики. Оказалось, что с момента их ухода прошел 21 год, и они давно считались пропавшими без вести.

– Это любопытная история. А доказательства есть?

– Вы не верите? Лиза, об этом писали в газете «Московские ведомости»! Это сейчас журналисты раздувают из мухи слона, а тогда в прессе отражались только факты. Те крестьяне действительно переместились в 1931 год! А еще раньше, в далеком 1621 году целая куча всадников выпорхнула из оврага и устремилась к воротам. Царская стража изумилась. Татары! Откуда? Дозорные видят на километры вокруг, но их приближения к государевым владениям никто не заметил. Выяснилось, что это была часть войска, отставшая от своих соплеменников во время Крымского похода на Москву, который был совершен ровно пятьдесят лет назад. Лиза, вы слышите? Пятьдесят! Во время пыток они рассказывали, что служат хану Девлет-Гирею. Когда войско было разбито, уцелевшие уходили от погони через этот самый овраг. Они видели густой туман, и кони вставали на дыбы – не хотели идти дальше, и все же они это сделали. Через несколько минут туман расселся, но вышло так, что только для них это были несколько минут, а для всего остального света – полвека.

Женщина рассказывала очень занимательно, мне было

приятно ее слушать, хотя я в эти мифы особенно не верила.

– Не удивляйтесь, – закончила она, – что я так хорошо знаю и помню даты. Я учитель истории в старших классах.

– А, теперь понятно. Ладно, Надежда, вы можете верить в сверхъестественное, только вы должны признать, что в мире гораздо больший процент преступлений, совершаемых людьми, нежели всякой нечистью. Давайте все же спустимся вниз и осмотрим хорошенько то место, где я видела вашего сына в последний раз.

Женщина вздрогнула, а я покорила себя за черствость. Если я уже ничего не чувствую, это не значит, что все такие. Необходимо об этом помнить.

Мы спустились в лощину. Я теперь с интересом осматривалась. Не знала, что это место так дурно славится здесь. Днем оно не казалось таким же мистическим, как это было вчера вечером, но тем не менее вскоре начало ощущаться небольшое давление на виски. Если бы я была каким-нибудь шаманом, я бы сказала что-то про сильную негативную энергетику. Но, скорее всего, дело в болезненном состоянии моего организма, а не в овраге.

Внезапно мне кое-что показалось подозрительным.

– Надежда, а почему вы ночью изучали тему Велесова – или как его там – оврага? Вы же не знали, что сын пошел сюда, пока я не сказала, правильно?

Она помолчала.

– Вы очень умны, Лиза. Хорошо, расскажу. Я почему-то

вам доверяю.

– Я слушаю.

Мы стояли у подножья деревянной лестницы. Я мысленно пообещала себе, что никуда ее не поведу, пока она мне все не объяснит. И пока я ей не поверю. Человек, имеющий душу, не стал бы подозревать мать в похищении ребенка. Но у меня не было души.

– Мой мальчик – уже третья жертва в этом страшном списке пропавших здесь людей за последний месяц. Сначала исчезла мать его друга, Вити. Она была... даже не знаю, как говорить правильно... в прошедшем или настоящем времени...

– Говорите, как вам удобно. Лишь бы было понятно.

– Да, так вот, она заиклена на эзотерике, все время слоняется по каким-то бабкам-гадалкам, магам-экстрасенсам, по святым местам, по аномальным зонам... Ее бросает из крайности в крайность. Дома она сказала, что поехала в Коломенское. С тех пор ее никто не видел, прошло больше трех недель. Витя к ней был очень привязан и, после того как она пропала, постоянно сюда ездил, чтобы отыскать ее. Опрашивал посетителей парка. Пару раз мой Мишенька с ним приезжал, чтобы помочь с поисками. Потом и Витя сгинул. Анатолий, отец Вити, трясет полицию, но у них нет зацепок. А постоянные посетители говорят, что пару раз видели в Велезовом овраге зеленоватый дым. История распространилась, теперь все сплетничают, что они пропали в этом овраге, пе-

реместились во времени либо их схватили чудовища. Знаете, есть легенда, что при советской власти один милиционер, попав в это место, видел в тумане очертания какого-то йети. Пальнул в него из табельного, а тот растворился в воздухе, будто его и не было. Однако вызванное милиционером подкрепление видело и стреляные гильзы, и гигантские следы неопознанного существа. Так что это не было галлюцинациями находящегося в приступе белой горячки милиционера. Я как услышала от завсегдатаев парка эту легенду про монстра, запретила Мише сюда возвращаться. А вчера он все-таки поехал. Оставил записку, что получил от Вити эсэмэс и должен поехать в усадьбу. Я сразу поняла, в какую.

– От того самого Вити, который якобы пропал?

– Ну да! От друга его.

– Интересно... Идемте.

Мы зашагали по траве. Рядом возник облагороженный камнем родник, возле которого кучковались две пары людей с тарами. Надо же, в сумерках и тумане я его в прошлый раз не заметила.

Мы прошли прямо, чуть-чуть свернули вместе с тропой, и я, к сожалению, вынуждена была резюмировать, что точного места не знаю. Пояснила Надежде, что все было плотно окутано смогом, идти приходилось почти на ощупь. Горохова заплакала и села прямо на землю.

– Господи, Лиза... Как же вам повезло, что вас эта дрянь не забрала...

Я решила не уточнять, кого учительница подразумевает под термином «дрянь», и предложила:

– Давайте посмотримся. Авось что-то заметим.

– Этим пусть лучше займется полиция. К тому же я очки дома забыла. Знаете, столько книг перечитала и тестов проверила, что зрение уже начало слаbinу давать.

– Хорошо, вот что сделаем. Приведите сюда смотрителя парка. Я ему все расскажу, и он тогда вызовет полицию. Так как исчезновений уже три и все предположительно в одном месте, они не станут игнорировать вызов.

Новая знакомая немного посидела на земле, глядя на сложенные ладони и роняя слезы, затем собралась с духом, перестала плакать и поднялась.

– Да, Лиза, вы правы. Извините, я от этого ужаса немного туго соображаю, все как в тумане. Давно надо было вызвать сторожей или как их зовут. Они же вечером закрывают ворота, вдруг они что-то видели, слышали?

– Именно.

Надежда ушла, а я решила осмотреться. Одновременно с тем, как моя голова шевелилась то вправо, то влево, мои мысли были заняты учительницей. Почему человек, посвятивший себя науке и образованию, так отчаянно верит во все мистическое? Ответ пришел довольно быстро. Если верить в то, что Миша угодил в портал, это означает так же то, что он жив и когда-нибудь вернется. Лет через двадцать. Но такой же молодой. Если же придерживаться строго материали-

стического мировоззрения, то происходящее будет навевать самые негативные прогнозы. Так как выкупа пока никто не потребовал, это приводит к заключению, что парня убили. Либо что он ушел из дома и завуалировал свой побег фантастической легендой, чтобы его не искали. Но карты в этом случае путали два предыдущих случая: Витя, друг Миши, и его мама. Да еще и таинственная эсэмэска от первого. Хотелось бы узнать, что в ней.

– Простите, – обратились ко мне две девушки, – вы не знаете, как пройти к Девичьему камню?

– К какому? – удивилась я. – Нет, не знаю.

Они прошли мимо, а я вернулась на несколько шагов по этой тропе и внезапно заметила какие-то надписи на большом камне, огораживающем родник. Не знаю, этот ли булыжник имели в виду вопрошающие, но он был весьма примечательным. Крупный, сверху плоский, из-под него тонкой струей течет вода. Так как люди, набиравшие воду, уже покинули место, мне ничего не мешало подойти и наклониться. Надпись не читалась, это были знаки на каком-то загадочном языке, которого я не знала. Но самое интересное не это...

Я присела и прикоснулась к камню, дабы проверить свою догадку. Все подтвердилось. Надпись, доходящая до середины поверхности и резко оборванная, о чем можно судить по последнему штриху, размазанному и продолженному прямой короткой линией вниз, была нанесена настоящей кровью.

Я повторила смотрителю Коломенского все то, что рассказывала Гороховой, а затем еще раз передала эту же историю вызванному им полицейскому. Тот сказал, что пригласит сюда экспертов для поиска следов подростка и взял мои координаты, на случай если я опять понадобится.

– А ваш телефон можно? – полюбопытствовала я.

Он помялся, будто не понимая, зачем это надо, потом все-таки продиктовал, сопроводив сообщением:

– Да-да, если что-то еще вспомните, можете звонить сразу мне. Или по 02.

Ну уж про 02 я и сама знала, не глупая. Я кивнула в сторону булыжника:

– Что вы скажете?

Он обернулся.

– А что? Ах, это... Это подростки балуются.

– Безобразие! – разозлился смотритель парка.

– Это кровь, – обратила я их внимание. Учительница ахнула.

У полицейского был ответ и на это:

– Готы и прочие субкультуры. Любят мрака навести побольше.

Представитель власти взял у женщины фотографию, обещав объявить ее сына в розыск. Я решила, что моя миссия

на этом окончена, и покинула компанию.

Сидя на лавочке и поедая мороженое, вкуса которого совершенно не чувствовала, я смотрела на реку и думала о таинственном овраге. В гостинице есть платный интернет, надо воспользоваться, чтобы проверить полученную от учительницы информацию. Но даже если все сказанное подтвердится, неужели я поверю в то, что зеленоватая дымка является порталом в параллельный мир? Что это своеобразная машина времени, работающая, правда, только в одну сторону? Но это же явный бред.

Через некоторое время Надежда сама меня нашла на набережной с предложением обменяться телефонами. Я не возражала. Потом она отдала мне один из листков с изображением сына, попросив показывать всем – так мы найдем его быстрее, если он «выпрыгнет» из портала в наше время. Я согласилась. На этом мы расстались, она поехала домой, а я осталась сидеть на лавочке.

Прошло много часов, и территория начала пустеть. Прежняя я нашла бы этому логичное объяснение: сегодня воскресенье, при наступлении вечера все граждане отправились домой, чтобы подготовиться к предстоящему рабочему дню, – но новая я разучилась следить за днями недели. Да и зачем они? У меня не было больше работы и не к чему было готовиться. Соответственно, я просто сидела на лавочке в парке.

В сумочке затренькал телефон. Я вздрогнула и застыла в ужасе. Затем вспомнила, что поменяла номер, а стало быть,

меня тревожит не кто-то из моей прошлой жизни, и уже увереннее потянулась к «молнии», чтобы достать мобильный.

Всего лишь эсэмэс от оператора. Ничего страшного.

Я вернула телефон на место и уже собиралась возвращаться в отель, как вдруг мимо меня прошла девушка, своим видом заставившая изменить родившимся планам. Черные прямые волосы, черная подводка на глазах, бледная кожа, темно-бордовая помада. Она сжимала левую руку в локте, на котором висела крупная бесформенная сумка, поэтому запястье пролетело прямо перед моими глазами – на нем красовался белый медицинский пластырь. В голове что-то щелкнуло, словно зажегся свет внутри черепной коробки. Я встала и припустила за ней.

Девушка шла быстро и все время оглядывалась. Помимо меня, она видела еще человек четверых, гуляющих в этой части набережной. В том месте, где в реку впадал ручей, образовывая нечто наподобие маленького водопада, она свернула направо. Я за ней. Таким образом, мы оказались в устье оврага. Проходя мимо пруда, она снова обернулась, и узрела уже одну меня. Я мгновенно опустила глаза в землю, но девушка настороженно затормозила. Тогда я ускорила, обогнала ее и вскоре попала в то место, где была создана кровавая надпись на камне. Там я затаилась за кустом, гадая про себя, правильно ли я определила ее цель. Иначе получится, что я просто сумасшедшая, отдыхающая от тленной жизни в одиночестве в кустах посреди оврага. Эксперты, если и при-

езжали, то уже отклонялись, а другие люди вечерами этот путь обходят за сотню верст.

Но я оказалась права. Через заросли я видела, как девушка, еще раз обернувшись, подошла к роднику, присела возле камня и шлепнула сумку на землю. Достав из нее блокнот и прозрачный пузырек с темно-красной жидкостью, она развернула первый примерно на середине, положила на траву перед собой и приготовилась отвинчивать крышку от стеклянной тары. Это был момент моего выхода на сцену. Еще там, на лавочке, увидев пластырь на руке, я сразу представила себе картину того, что произошло. По каким-то соображениям барышня вскрыла себе вену и накапала в какую-нибудь емкость крови, затем заклеила порез пластырем и приехала в Коломенское. Начала вырисовывать какие-то таинственные знаки, но, к сожалению, крови не хватило. Тогда она вернулась домой за новой порцией. Видимо, грамм интеллекта все же присутствовал в ее голове, вот он и подсказал ей, что в природных условиях не стоит себя резать, чтобы тут же наносить на скальную живопись: можно занести грязь.

Узрев незнакомку с суровым лицом, она резко вздрогнула и приготовилась бежать.

– Что это ты делаешь? – грозно осведомилась я.

– А вам-то что? – с вызовом пропела она, успев собраться с духом.

Вам?! Я ее старше лет на пять. Действительно плохо выгляжу...

Чтобы девица была поговорчивее, я схватила ее за запястье, то самое, которое было порезано, и стиснула так, что она закричала.

– Пусти! Че творишь?

Ага, меня уже переквалифицировали в «ты».

– Отвечай на вопрос. Что ты здесь делаешь?

Я стояла и держала руку девушки, сверля ее сверху тяжелым грозным взглядом. Брюнетка так и сидела на корточках, смотря на меня с испугом.

– Это обряд посвящения!

– В кого?

– В ведьму третьего разряда. Пусти, че держишь?

– Помечаешь место убийства, да?

– Какого убийства? Че несешь? Ты чокнутая, да?

Я вздохнула, отпустила ее руку и полезла в свою сумочку.

– У тебя там оружие, что ли? У меня тоже есть!

– Ага, вот щас вызову полицию и будешь им доказывать, что имеешь на него разрешение. – Я достала фотографию Миши. – Ты его знаешь? Видела?

– Че? Нет.

– Сначала надо смотреть, а потом отвечать.

Она нехотя поднялась и взяла у меня изображение.

– Нет, не видела. А че?

– Он пропал. Именно на этом месте.

– Ух, да ты че? – с удивлением, бурно перетекающим под конец фразы в восторг, выдала деваху.

Нет, наверно, все-таки не на пять... На десять точно. Школу-то она явно не закончила. Детский сад, одним словом.

– Когда ты нанесла эти иероглифы? – кивнула я на камень.

– Это не иероглифы, это древний язык кол...

– Неинтересно, – прервала я поток ненужной информации. – Когда?

– Сегодня утром. Здесь с одиннадцати народ таскается за водой, их немного, но они подолгу набирают, родник-то по чуть-чуть капает.

– Да, я вижу.

– Вот, мне надо было до этого часа успеть переписать все это. – Я взяла с земли блокнот, чтобы увидеть «все это». Новоявленная ведьма тем временем продолжала: – Я бы успела, но крови не хватило. Тогда я поехала домой и дождалась вечера, чтоб опять на людей не попасть.

– Ясно. – Я разглядывала затейливые письмена, любовно выведенные на белом листке в клеточку. – Кто тебе это дал?

Колдунья-малолетка замялась. Сразу было видно: не хочет называть.

– А зачем тебе? И по какому праву допрос? Ты мент?

– Слушай сюда. Пропавший пацан очень дорог и мне, и моим знакомым, отсидевшим пару раз на зоне. Поверь, менты – добрейшие феи по сравнению с ними. На твою беду, ты – единственная наша зацепка.

Конечно, про друзей эков – это большая выдумка. Но я

добилась нужных мне результатов: девушка испугалась до-
нельзя.

– Да не знаю я никакого пацана! – запищала она на высокой ноте. – Я делаю то, что бойфренд мне велит! Он будет со мной встречаться, если я пройду все стадии посвящения!

Другая бы на моем месте засмеялась. Но я этого давно уже не умела.

– Ты вчера здесь была?

– Нет! Я ж говорю, сегодня. До этого только в прошлом году здесь гуляла, чтобы впитать в себя энергетику аномальной зоны. Я тогда ко второму разряду только готовилась.

С ума сойти...

– Зеленого тумана здесь не замечала ни разу?

– Ты что! Зеленый туман означает, что открылся портал. Увидишь – сразу беги назад. Это все знают!

Похоже, все, кроме меня.

– Дай координаты своего бойфренда, по совместительству мага-шарлатана.

– Он не шарлатан! Он сильный. – Внезапно ее глаза расширились. – Ох! Это волки? Ты слышишь?

– Чего? – Я стала напряженно вслушиваться. Где-то вдалеке лаяла собака. – Ты что, на ЛСД сидишь? Глюки?

– Ты слышала о волосатых чудовищах, что здесь бродят после темноты? – Она начала нервно оборачиваться, будто чувствовала что-то незримое и опасное в надвигающихся на усадьбу сумерках. – Я домой хочу, – промямлила девушка

жалобно.

Я снова схватила ее за руку.

– Не уйдешь, пока не назовешь мне имя и адрес.

– Экстрасенс Макар. Ведет прием на Новослободской. Он самый сильный на всю Москву! Найдешь в интернете его сайт. – С этим ведьма вырвалась из моих рук, наскоро побросала свои атрибуты в просторную сумку и кинулась в обратный путь к набережной. В ту самую секунду, как я осталась в овраге одна, теперь уже мне послышался протяжный вой голодного волка. Видимо, воображение разыгралось.

Попав в гостиницу, я тут же приступила к освоению местного интернет-кафе. Почитала легенды о Велесовом овраге, которые, по сути, повторяли рассказ Гороховой, затем принялась за сердцееда Макара. У него действительно был свой сайт. За довольно внушительную плату он предлагал целый пакет услуг: приворот, отворот, снятие венца безбрачия, привлечение удачи и денег, наведение порчи на конкурентов, снятие родового проклятия, изготовление защитных амулетов. Если была нужна какая-то часть из перечисленных услуг, тогда сайт предлагал рассчитать заказ автоматически, надо всего лишь снять галочки против тех позиций, в которых ты не заинтересован. Я попросила себе только отворот и мгновенно получила номер заказа, который нужно будет указать в платежном поручении. На следующее утро, спросив у менеджера отеля, где здесь самое ближайшее отделение

ние какого-нибудь банка и получив инструкции, я вышла на улицу.

Сегодня было солнечно, и люди с радостью переоделись во что-то полегче. Наверно, я в своем расстегнутом плаще смотрелась странно. По возвращении в отель нужно во что-нибудь переодеться, дабы не привлекать излишнего внимания. Смерть всегда должна оставаться незамеченной. А я служила именно Смерти.

Мимо меня пролетели велосипедисты, пустив мимоходом в мою голову стрелу болезненных воспоминаний.

«Лиза, а можно я покатаюсь на велике? Лиза, ну пожалуйста!» – «Нет, солнце, это опасно, ты можешь угодить под машину». – «Ну Лиза! Все мои одноклассники катаются! А мой велик стоит ржавеет!» – «Эй, дылда, вели этому мелкому заткнуться!! А то я его заткну, причем навсегда!!»

Сигнал клаксона привел меня в чувство. Я попыталась перейти дорогу на красный свет. Так не стоит делать, это тоже не стопроцентный метод... Лучше дождаться зеленого. Лучше пока жить.

Перечислив деньги на необходимый расчетный счет, я вернулась в отель, села за тот же компьютер и вписала номер платежного поручения. Меня поздравили с тем, что сегодня вечером имеется свободное окно, а это большая редкость, к великому Макару записываются за долгие месяцы вперед, бла-бла, короче, я получила талон на двадцать ноль-ноль и схему проезда. Времени было навалом, поэтому я позвони-

ла Гороховой с просьбой разрешить мне осмотреть комнату пропавшего Миши и прочитать записку. Она сообщила, что сейчас находится в Коломенском и, если я помогу ей опрашивать посетителей, потом она пригласит меня к себе домой. Я согласилась.

Через час мы ходили с фотографией Миши по парку, показывая каждому встречному.

– Даже не знаю, почему вы мне помогаете, – чуть не со слезами благодарила меня несчастная женщина. – Лиза, вы хорошая девушка.

Знала бы ты!..

– Спасибо.

– Нет, правда, это большая редкость в наше-то время. Попробуй кого-нибудь попросить о помощи! Даже лучших друзей. У всех тут же дела вырисовываются. Неотложные. Лиза, а вы работаете где? Я, может, злоупотребляю?

– Ничуть. Я сейчас ничем не занята.

– В отпуске? – Я не ответила. – Ну дай Бог вам счастья! И долгих лет жизни!

А вот этого мне как раз и не надо...

Выйдя на набережную, мы опросили еще человек десять, пока не подошли к молодому мужчине. Он был одет в каком-то американском стиле: белая майка, сверху расстегнутая и незаправленная рубаша в крупную клетку, сверху расстегнутая ветровка, на ногах джинсы и кроссовки. Странно, что не сапоги и не широкополая шляпа. Брюнет на вопрос,

не видел ли он этого мальчика, почему-то уставился на меня, а не на фото, заулыбался и выдал:

– Я могу вам помочь с поисками, если хотите.

– Это еще зачем? – насторожилась я.

– А вы можете? – засияла Надежда.

– Могу. Но сперва расскажите, что произошло. – Горохова с верой в глазах довольно подробно передала мужчине историю исчезновения ее сына. Тот в свою очередь внимательно слушал, кивал, задавал наводящие вопросы, затем встрял со своими советами: – Знаете, в чем ваша ошибка? Здесь народ каждый день новый. Верный ход – найти тех, кто обитает тут каждый день. Идем, я покажу.

Учительница как замороженная отправилась за самоуверенным типчиком, мне пришлось идти с ними. Напротив ларька, в котором я обычно покупаю то кофе, то чай, то мороженое, была расположена крупная закусочная, туда-то нас мужик и завел. Стены с парадного входа были застеклены, следовательно, всех прохожих видно, как на ладони. Посетители не обратили на нас внимания, зато официанты при виде техасского парня выровнялись по струнке и застыли с выражением готовности выполнять любые приказы. Даже повар с кухни прибежал.

– Добрый день, Илья Семенович! – сказали все почти хором.

– Добрый. Посмотрите, пожалуйста, на это лицо... Петя, передай остальным... – Петя-повар, который, несмотря на

преклонный возраст, почему-то отзывался на простого Петю, посмотрел сам и передал дальше. – Кто-нибудь узнает парня? Видел когда-нибудь?

Посетители теперь с интересом нас разглядывали. Повар покачал головой, дрожащим голосом, точно извиняясь, пояснил, что, кроме холодильника и печки, ничего не видит. Илья отпустил его жестом руки, остальные же парня признали.

– Был здесь! Видели на днях.

– Один?

– Нет. С ним пацан был, по виду одноклассника. Ростом, правда, пониже.

– Черненький, кареглазый? – спросила Надежда, явно кого-то узнав.

– Ну да.

– Это Витька. Это когда они вместе его мать искали, – пояснила она мне. Я кивнула, мол, так и поняла.

– А одного его видели? – Илья обернулся к нам. – А когда он пропал?

– Позавчера вечером.

– Позавчера видел кто-нибудь?

Официанты зашушукались, вспоминали смены, кто когда работал, те, чьи смены пришлись на позавчера, отрицательно качали головами.

– Ясненько. Кто вдруг увидит, звонить сразу мне!

– Наверно, лучше матери его звонить, как полагаете? –

вклинилась я с недовольством на этакое самоуправство.

Когда Илья кивнул, Горохова тут же продиктовала телефон. Официанты записали и загремели тарелками – вернулись к работе. Однако босс (или кем он им доводился) их остановил.

– Ваш номерок не озвучите? – обратился он ко мне.

– Я к этой истории не имею отношения.

– На всякий случай. – Мужчина зазывно улыбнулся, я нехотя подчинилась. Однако мой телефон записывали не только официанты, но и он сам. – А как вас звать?

– Лиза.

– А меня Илья Тимуров. Лиза, фамилию назовете? Чтобы мне в записную книжку вписать.

– У меня ее нет.

На мой ответ мужчина приподнял одну бровь и с хитрой улыбкой покачал головой, дескать, ай-яй-яй, зачем так скрытничать.

Мне этот балаган начал надоедать, поэтому я напомнила Надежде о наших планах. Она попрощалась с новым помощником, вновь его поблагодарила, и мы поехали к ней в квартиру.

* * *

Наверно, мы обе были сумасшедшими. Она привела домой незнакомку, чтобы показать ей комнату своего сына;

я приехала домой к незнакомке, чтобы посмотреть комнату ее сына, такого же незнакомца для меня. Мы обе могли в ту минуту, когда я переступила порог, по велению разума чего-то опасаться, однако не опасались абсолютно ничего.

Надежда предложила кофе, но я отказалась, так как не хотела терять лишнее время, и попросила отвести меня в спальню Михаила.

Комната имела весьма скромные габариты. По стенам развешаны плакаты с музыкальными группами, на полках и телевизоре пыль, вещи разбросаны по полу – типичная спальня подростка мужского пола. На кровати осталась записка: «Ма от Витька смс он ждет в усадьбе я поехал» – именно так, без знаков препинания.

– А где его телефон? Почему эсэмэс не прислал? – Странным казалось для современного подростка писать от руки послания матери. Как еще не пером и чернилами...

Она пожала плечами.

– Всегда был при нем. Вы же знаете молодежь, без телефона и компьютера ни дня прожить не могут. Звоню каждый час. Абонент вне зоны действия...

– Ясно. – Однако по словам из записки выходило, что телефон его работал – хотя бы на момент получения эсэмэс. – В полиции могут получить распечатку от оператора. Нужно проверить, с кого номера писали. И запеленговать оба телефона.

– Лиза, вы о чем? Для такого нужны санкции, решение

суда. Кто выдаст? В нашей стране царит бюрократия. К тому же оба телефона все равно выключены.

Опечалившись, я кивнула:

– Верно.

Я еще походила по комнате, но без особого толка. Тогда я попросила связать меня с мужем первой пропавшей. Надежда дала мне номер телефона, но предупредила, что Витин отец – человек не самый разговорчивый.

Несолоно хлебавши я покинула апартаменты. На улице направилась к метро и неожиданно заметила, что мне сигналит автомобиль. Пока я думала, притормозить мне или же, напортив, ускориться, из него показался давешний знакомый.

– Лиза, вы меня помните?

– Еще свежи воспоминания, Илья Семенович.

– Присаживайтесь, – он открыл переднюю дверь.

– Простите, я спешу на встречу.

– А я подвезу вас. Лучше же, чем на метро. Комфортнее.

И я, вышедши из квартиры незнакомки, села в автомобиль к незнакомцу. Другая бы побеспокоилась за свою жизнь или здоровье, но мне было абсолютно все равно.

– Как вы узнали, где меня найти?

– Я следил за вами, – ответил мужчина и скромно добавил: – Простите.

– Мы ехали на автобусе.

– Да, я следил за автобусом.

– Зачем?

Он помолчал. Затем повернул ко мне свое лицо:

– Лиза, вы понравились мне.

– Следите за дорогой.

– А мы пока никуда не едем. – Тимуров завел мотор. –

Называйте адрес. – Я назвала. – О, я знаю, где это. Быстро доедем.

– Не сглазьте. Мне нужно успеть к восьми.

– До восьми два часа. Здесь ехать по-хорошему тридцать минут, если где не застрянем. Так что, может, успеем еще в кафешку заскочить. Не переживайте, я угощаю.

– Зачем вам это?

– Я же говорю. Нравнодушен к высоким красивым брюнеткам. Хотя мне цыганка однажды нагадала, что умру от руки красавицы. Но мой пыл это не остудило. То есть остудило на некоторое время, но сегодня я увидел вас, и...

– Боже, лучше бы я на метро поехала... – перебила я, не в силах терпеть этот пикаперский бред. Они что, учебник покупают по правилам съема девушек и заучивают наизусть фразы? И кто на это клюет?

– Простите, всё, больше не несу ересь! Обещаю.

Я бы поподробнее описала внешность мужчины, но мне было неинтересно его разглядывать. Правда, я его слушала, поэтому могу сказать, что голос был приятным. Возраст же мужчины либо приближался к сорока, либо чуть-чуть пересек этот рубеж. В то же время логика подсказывала, что че-

ловек «за» так одеваться не будет. Впрочем, кто знает, как он выглядит в формальной обстановке, вдруг он костюмы-тройки с галстуками на работу надевает? А расстегнутые рубашки навывпуск – так, для души.

– Илья Семенович, это ваше кафе было в парке?

– Ой, давай на «ты». И просто Илья, хорошо?

Мне было индифферентно, как к нему обращаться. Посему я кивнула.

– Да, это один из моих проектов.

– Сколько же их у вас?.. У тебя.

– Очень много, сбился со счета.

– Может, ты еще и миллионер? – бросила я равнодушно.

Илья Семенович выдержал некоторую паузу, затем доверительно поведал:

– Не скрою, я очень состоятельный человек. Но на каком-то этапе понимаешь, что это все не самое важное. К сожалению, иногда понимаешь довольно поздно, когда уже многое сделано ради того, чтобы сколотить это самое состояние.

– Да ты Конфуций, не иначе.

– Станешь тут... Лиза, а ты чем занимаешься?

– Ничем.

– Любопытно. А на что живешь?

Помявшись, я нехотя ответила:

– Квартиру сдаю.

– В Москве?

– В Туле.

– Сдавать в Туле и жить в Москве... Мне кажется, это несопоставимо, – усмехнулся Илья.

– У меня были кое-какие сбережения. Давай помолчим, ладно?

Дальше мы и впрямь молчали. Наконец подъехали к нужному зданию, я поблагодарила и вышла из машины. Он, однако, отправился следом за мной.

– Куда конкретно ты идешь, можно поинтересоваться? – Я ткнула пальцем в скромную вывеску. – «Колдун Макар 9 этаж»? – прочитал он. – Ты серьезно? Ты веришь в это?

– Ты же своей цыганке поверил, – пожала я плечами и пошла к двери, но была остановлена.

– Лиза, в чем твоя загадка?

– Что, прости?

– Ты молчаливая, таинственная и еще ни разу за все это время не улыбнулась.

– Я никогда не улыбаюсь.

Он вздохнул.

– Я буду ждать тебя здесь.

– Не надо.

* * *

Приемная была обставлена в современном стиле. Словно не к магу пришла на консультацию, а к обыкновенному вра-

чу-терапевту. Когда на табло загорелись зеленые цифры, соответствующие номеру моего заказа, я поднялась с удобного сиденья и вошла в комнату. Внутри все тоже было высокотехнологично и функционально. Единственное, что отличало это помещение от любого другого помещения в казенном доме, будь то банк, пенсионный фонд или частная клиника, – это неизменные атрибуты ведьмаков: черепа, стопки крупных карт, затейливые статуэтки, да и сам Макар, обвешанный амулетами с ног до головы. Наверно, он так рекламировал собственный товар, представленный на сайте. Что-то наподобие полки с жевательной резинкой возле касс. Вам стоит только протянуть руку и снять с меня амулет – и он ваш. Только заплатите, будьте так любезны.

Не глядя на меня, Макар повел руками в воздухе и замогильным голосом заявил:

– Молчите... Я знаю, зачем вы пришли... Вас преследуют... Вам нужен отворот...

– Не угадали, – громко возвестила я.

Паренек лет восемнадцати, узкоплечий и худющий, вздрогнул и поднял на меня глаза.

– А здесь написано... – он растерянно кивнул на ноутбук, скромно прислоненный к стенке.

Не теряя времени, я полезла в сумку и достала фотографию.

– Вы знаете этого мальчика?

– Что? Какого мальчика? – Посмотрев на фото, экстрава-

гантный пацан покачал головой. – Нет, не знаю. Но вижу, что на нем порча. Я могу снять.

– Прекращайте свои фокусы! – прикрикнула я и стукнула кулаком по столу. Деревянная статуэтка какого-то божка взволнованно подпрыгнула и грохнулась на пол. – Этот мальчик исчез при загадочных обстоятельствах! Вы имеете к этому отношение?

– Вы что, журналистка? Зачем на прием записались? Я верну вам деньги на расчетный счет, мне нет необходимости светиться в прессе. Уходите.

– Не уйду, пока не ответишь, маг. Давай пошамань что-нибудь и объясни, почему полоумная легковерная девица малюет своей кровью символы древних ацтеков на том камне, возле которого поздно вечером пропал этот подросток.

– Ах, вот оно что... Я тут ни при чем. Это обряд посвящения, его можно выполнять в любом месте, где негативная энергия превышает уровень «А».

– То есть ты не говорил ей пускать свою кровь в Велесовом овраге? – В принципе, я так и думала, но решила проверить зацепку, чтобы уже окончательно отказаться от этой версии.

Неожиданно колдун занервничал.

– Я дал ей подсказку, что это место как нельзя лучше подходит для получения третьего разряда. Как видите, к вашему Мише это не имеет ни малейшего отношения. А сейчас уходите, не то я вызову охрану.

– Имя написано довольно мелким шрифтом. Вы смотрели

на изображение издалека. У вас весьма неплохое зрение.

– В чем вы меня подозреваете? – перешел он на визг.

– Вы понимаете, что пропал ребенок? Вы хотите с этим связываться?

– Я хочу сейчас связаться только со своей охраной. – Макар потянулся к телефону. Я покачала головой и вышла.

Спускалась я в смешанных чувствах и мыслях. С одной стороны, его рассказ звучал складно. Запудрил мозг юной барышне (впрочем, и сам едва из пеленок) и отправил ее резать вены в Голосов-Велесов овраг, место, где люди пропадают в пространстве и времени. Начитался дурацких книжек, решил, что он теперь профи и может посвящать других. Выходит, что эта сладкая парочка ко всему произошедшему не имеет никакого отношения. Но что-то было в его глазах... Ощущение, будто он знаком с Мишей или с данной историей.

На улице я обнаружила Илью.

– Садись, отвезу домой.

– У меня нет дома.

– Э-э... ну, значит, отвезу туда, где ты ночуешь. – Я позволила себе повторно сесть в его машину, озвучила адрес гостиницы и название. – О как, это рядом с моим офисом. Какое совпадение!

– Слушай, прекрати уже.

– Да правду тебе говорю! Практически через дорогу работаю.

– А я думала, ты работаешь в кафе в Коломенском.

– Не, это просто кафешка, которая мне принадлежит. Я ж говорю, я много где занят. Но в основном управляю всеми делами из одного офиса, того самого, что через дорогу от отеля.

– Опять начнешь заливать, что миллионер?

– Так и есть.

Я все-таки превозмогла лень и повернула голову влево, чтобы внимательнее его изучить.

– Да не, не похоже, – резюмировала вслух. – Где золотые часы? Говорят, богатеев именно так определяют. Да и одежда у тебя странная.

– Чем тебе не нравится моя одежда? Не, я просто не люблю выпячиваться. И никому не рассказываю, что состоятелен. Кроме тебя, потому что ты мне нравишься и тебе я врать не хочу.

– Ой, а то твои многочисленные подчиненные не знают о твоём состоянии. Если ты не врешь и они у тебя есть.

– Они не знают меня. Они знают тех директоров, которых я назначаю. Меня знают только в кафе, да и то потому, что Петька – мой товарищ, он не мог найти работу, и я купил эту забегаловку только ради него и поставил его шеф-поваром.

– Какой ты добрый.

– Последнее время стараюсь. Знаешь, сорок лет – это такой рубеж, когда начинаешь подводить какие-то итоги... А тебе сколько?

– Для мужика сорока лет ты слишком много болтаешь.

– А ты слишком молчалива и скрытна для молоденькой девушки, – фыркнул Тимуров в ответ, но послушно заткнулся.

Возле гостиницы мы попрощались. Ожидая ключ на ресепшене, я задумалась над его словами. Некоторые люди считают рубежом, который нужен для того, чтобы начать подводить итоги, сорокалетний возраст. До этого жизненно-го отрезка они позволяют себе вообще ни о чем не задумываться. А вот я не только уже пересекла свой собственный рубеж, но и оставила его далеко позади.

В номере я позвонила по телефону, которым меня снабдила учительница. Мне долго не отвечали, наконец я услышала хриплый мужской баритон.

– Анатолий Русланович?

– Да. Кто беспокоит?

– Меня зовут Лиза. Мне дала ваш телефон Надежда Горохова. Я могу к вам подъехать?

– Зачем?

– Поговорить по поводу исчезновения вашей жены и сына.
Молчание.

– Вы что-нибудь знаете?

– Нет, но я могла бы помочь. Вам не рассказывала Надежда? Мы проводим свое расследование. Вы не могли бы рассказать, как все произошло?

– Не понимаю, зачем это. И я все равно буду допоздна на

работе.

– А завтра?

– Завтра, наверно, тоже.

– А я не могу к вам на работу подъехать? Вас это не устроит?

– Нет, меня это не устроит, на работе я работаю. Уф... Хорошо, если вы так настаиваете, я вам позвоню завтра, когда освобожусь. Но это будет не раньше девяти.

– Хорошо. Буду ждать звонка.

Я посмотрела на часы. Без четверти одиннадцать. Спать не хотелось, но это лучше, чем не спать. И это шанс. очередной малюсенький шанс, что хотя бы завтра я уже не проснусь...

* * *

Но я проснулась. До вечера – куча времени, и я решила разобрать свои вещи, раньше как-то руки не доходили. Или просто не замечала, что часть из них разбросана по номеру, а другая часть еще лежит сложенная в чемодане. Но в какой-то момент я словно открыла глаза, осмотрелась и поняла, что женщине так жить нельзя. Нужно развесить одежду в шкафу и расставить предметы по полкам.

Разбирая свой багаж, я наткнулась на газетную вырезку девятилетней давности, бережно вставленную в прозрачный файл.

«Владелец крупного машиностроительного предприятия, недавно признанного банкротом, Соколовский И.Е. вчера вечером покончил с жизнью, путив себе пулю в лоб. Знакомые семьи полагают, что причиной столь радикальных мер стало полное разорение».

Тонкие иголки воспоминаний тут же пронзили мой истощенный разум.

«Да, Лиза, ваша мама умерла. Она теперь живет на небе. Но я вас, дети, никогда не покину. Никогда».

Первым, что мне подвернулось под руку – а это оказался пульт от ни разу не включенного телевизора, – я запустила в зеркало платяного шкафа. Мелкие серебристые осколки с диким звоном рассыпались по полу.

* * *

Ближе к вечеру позвонил Илья Семенович с предложением съездить сегодня на спектакль или хотя бы просто прогуляться. Я как раз оплатила поломку и теперь ждала людей, которые вставят новое зеркало, поэтому на его приглашение ответила отказом, объяснив ситуацию.

– Давай я вставляю. Я мастер на все руки. Назови, в каком ты номере, и я мигом примчу.

– Не стоит, вот уже в дверь стучат. Очевидно, это рабочие. – Я поднялась с кресла и пошла открывать.

– Тогда перезвони, как они закончат. Раз не успеваем на

спектакль, то я тебя свожу хотя бы поужинать. А то ты бледненькая такая, как будто ничего не ешь.

– Я ничего и не ем.

Я впустила людей, они тут же принялись за починку.

– Блин, Лиза, ты странная... Хорошо, я буду есть, а ты просто составишь мне компанию.

– Илья, я не могу. У меня вечером встреча с отцом другого пропавшего мальчика. Его жена, кстати, тоже пропала. В том же месте.

– Как? Тоже в Коломенском?

– Тоже в овраге – так, скорее всего.

– Да ты что? Это дело становится все интереснее. Я схожу с тобой.

– Нет, это плохая затея. Мужик крайне недоверчив. Лучше мне одной.

– Тогда я довезу тебя.

– Хорошо. Я позвоню.

Анатолий Русланович связался со мной в начале десятого, сказал, что подъезжает к дому, назвал адрес. Это было рядом с квартирой Гороховых, видимо, два мальчика ходили в одну школу, оттуда и дружба. Мы с Тимуровым доехали небыстро, по дороге попали в пробку – народ еще возвращался в работы, – поэтому, чтобы время шло веселее, шофер пытал меня о подробностях дела, которое я веду, в итоге я передала ему все то, что знала сама. В квартиру со мной Илья не пошел. А в нее, как оказалось, не так-то просто было

попасть: при въезде во двор сидели охранники, в подъезде – консьержка. Хорошо, что хозяин предупредил о гостях, и меня пустили.

Апартаменты Анатолия Руслановича впечатляли габаритами и богатством. Это была двухэтажная квартира, обставленная в коричнево-красных аристократических тонах. Отовсюду веяло строгой классикой. На полу гигантский бордово-золотистый ковер, во всю гостиную, в которую меня и пригласили пройти. Мебель и отделка помещения из темного ореха, на потолке лепнина и хрустальная люстра. Семьи со средним и низким достатком так не живут.

Тем не менее, в жилище Катаевых правили бал тоска и безысходность. Отец семейства, его лишившись, выглядел плохо, болезненно. А я удивлялась, откуда у человека такой порыв трудоголизма, когда пропали без вести его жена и сын. Обычно людям в таких ситуациях не до чего. А теперь я поняла: он пытался спрятаться от своего горя в работе.

– Я очень сочувствую, – сказала я, – но вы должны помнить, всегда есть надежда. Тела не найдены, так? Значит, они могут быть живы. И я постараюсь их найти.

– Я знаю, но зачем это вам? – Два маленьких глаза уставились на меня с напряженной жесткостью.

Я пожала плечами.

– Просто хочу помочь. Неужели бескорыстие и альтруизм сейчас такая редкость?

– Я человек бизнеса, так что могу вас заверить: это так и

есть. – Анатолий Русланович хмурил свои кустистые с зачатками седины брови. По виду ему было слегка за пятьдесят, но, учитывая обстоятельства, он, возможно, был моложе.

– Значит, я как жемчуг в океане. Давайте не будем терять время.

– И все-таки меня это настораживает.

– Хорошо, тогда сойдемся на том, что, помогая вам, я помогаю сама себе. Конкретизировать не буду, это личное.

Он немного помолчал, передавая лбом и глазами глубокую степень задумчивости. Чем же его так озадачила девушка, пытающаяся оказать бесплатную услугу?

– Ладно, – наконец вымолвил хозяин. – Что вас интересует?

– Обстоятельства исчезновения обоих членов вашей семьи.

Он рассказывал скупое, короткими, малоэмоциональными предложениями. Про жену – Анну Евгеньевну – ничего нового я не узнала. Как и говорила историчка, Катаева была зациклена на всякой ворожбе, заклинаниях, магах и экстрасенсах. Все знакомые ее считали немножко «того», только сын в матери души не чаял. Когда она пропала, а в полиции отказывались принимать заявление, он стал ее искать самостоятельно. Через полторы недели он тоже испарился. Когда Витя не вернулся из школы вовремя, отец решил, что он пошел гулять с друзьями или поехал снова в Коломенское. Когда он не вернулся к позднему вечеру, отец стал зво-

нить. Телефон оказался вне зоны действия. Тогда он связался с Гороховыми и выяснил, что Витя действительно поехал в усадьбу, очередной раз пытался найти следы матери. В тот день Миша с ним не поехал: не отпустила мать. У мальчиков была низкая успеваемость, и мать, так как сама преподаватель, заставляла его хорошенько подготовиться к предстоящей контрольной. Потом Михаил, по мнению Катаева, чувствовал себя виноватым, что не поехал с другом, и стал его искать. Короче, сказка о репке. Витька – за мамку, Мишка – за Витьку, училка – за Мишку. Все друг друга по очереди ищут. На мой вопрос, отчего же он, муж, не помогал сыну в поисках, Анатолий замялся, затем решил признаться:

– Я сначала не думал, что это что-то серьезное, я думал, она хочет меня попугать.

– В смысле?

– Я собирался подавать на развод. Не поймите меня неправильно, но чокнутая баба мне в доме не нужна. И так сплошные пересуды, а я все-таки генеральный директор крупного предприятия.

– Рада за вас. А вы любили свою жену?

Сначала глаза рефлекторно расширились в приступе гнева, но, найдя в моих только каменность и ни капли эмоций, а не насмешку, как показалось вначале, успокоились и разрешили губам ответить:

– Поначалу, наверно, любил. Но это было очень давно.

– Понятно. Ну и что вы думаете теперь по поводу этих

случаев?

– Я думаю, моя жена по своей извечной глупости и ветренности влезла куда-то, куда влезать было нельзя, а теперь за это поплатился мой сын. Да еще и другой парень.

– Иными словами, в сверхъестественное вы не верите?

– Нисколько.

– В этом мы с вами солидарны. – Я немного помолчала, переваривая услышанное и мысленно выстраивая дальнейшую беседу. Наконец задала новый вопрос: – А в какое время суток она пропала?

– Вечером.

«Как и Миша», – подумала я, вспоминая тот жутковатый сумрак, когда я видела его в первый и последний раз.

Если хозяин квартиры прав и причина этих событий кроется именно в личности миссис Катаевой, тогда желательно выяснить полный перечень ее недавних контактов. На мою просьбу Анатолий Русланович ответил, что прежние подруги от нее давно отказались или же звонили, но крайне редко, однако, вот он – список всех ведьм, с которыми она имела дело. Анна Евгеньевна даже записную книжку специально завела для этого.

Ко мне в руки попал блокнот в кожаном коричневом переплете. Он был заполнен почти наполовину. Действительно сумасшедшая. Я четко осознала, что перелопатить всех этих шарлатанов у меня не хватит времени.

– Может быть, вспомните кого-то из последних? Может

быть, кто-то советовал ей отправиться в Велесов овраг?

– Даже и не зна... подождите. – Лицо мужчины внезапно оживилось. Он даже будто помолодел. – Ну конечно!

– Что?

– Извините, я просто за долгие годы супружества научился отключаться, когда мне о чем-то рассказывает моя жена. Тем более я очень устаю на работе. Но ведь на самом деле незадолго до исчезновения она мне говорила что-то про овраг, через который можно путешествовать во времени. Он якобы самый необычный, там какой-то особенный воздух и земля. И вот этот ее последний маг, из любимчиков, посоветовал ей для какого-то обряда взять оттуда земли. И она, помню, все меня спрашивала, в чем носят землю, не просочится ли через целлофановый пакет, в общем, какую-то чушь несла, я велел ей замолчать и не лезть ко мне с дурацкими вопросами.

Долгое время я считала, что у меня больше нет сердца. Что оно умерло. Но бывают такие исключительные моменты, когда оно начинает сильно-сильно колоться в груди, и ты его чувствуешь. И с каким-то умиротворенным спокойствием говоришь себе: «Значит, оно есть». Такой момент настал сейчас. Я напала на след.

– Какой новый маг? Вы помните имя?

– Да какой-то молодой, из последних, к кому она ходила. Все уши мне о нем прожужжала. Посидите, я схожу в спальню, мне кажется, осталась визитная карточка. Если я не вы-

бросил.

Катаев поднялся и отправился по лестнице на второй этаж. Не знаю, верила ли я в Бога, но в тот момент я молилась, чтобы карточка нашлась.

Через несколько минут она была у меня в руках. Тут меня поджидал сюрприз. «Экстрасенс Макар», – значилось на ней, плюс адрес приемной и адрес сайта. Это не могло быть простым совпадением. История начала набирать обороты.

Я быстро распрощалась и бегом спустилась по лестнице, проигнорировав кнопку лифта. Выбежала на улицу, миновала будку охранника и тут же запрыгнула в припаркованный вблизи дома автомобиль.

– Куда теперь? – с готовностью спросил мой водитель.

– Снова на Новослободскую. Ведьмак меня обманул. Он знал жену Катаева и специально отправил ее в Коломенское.

– Думаешь, он связан с пропажей мальчика Миши?

– Не знаю насчет Миши, но с первым звеном в этой цепочке исчезнувших в овраге людей он связан по рукам и ногам.

– Отлично. – Илья начал разгоняться. – Давай вытрясем из этого колдуна все его магические потроха.

– Ты что, со мной собрался к нему идти?

– Еще бы! Я этого не пропущу. Терпеть не могу шарлатанов. Одна меня тоже запугала, год на баб смотреть не мог.

– Замечательно. Только учти, у экстрасенсов гигантские очереди, они нынче люди востребованные. Придется ждать.

– Не собираюсь.

– Представляешь, как на тебя бабки накинутся, когда прознают, что ты без очереди прешь?

– У меня к таким бабкам, теткам, дядькам и всем прочим один подход. По банкноте в зубы, и они еще и рады будут меня вперед пропустить. Уж поверь, не раз так проходил. Правда, давно это было. Сейчас все сервисные службы ко мне на хату приезжают. Тряхну стариной.

– А если очередь в триста человек?

– Обижаешь, – нахмурился Тимуров, видя мое недоверие. – Я же сказал, я весьма состоятельный человек. Меня вся Россия вперед пропустит.

Я, конечно, не поверила, но спорить не стала. Все мои мысли занимали исчезнувшие. Вот жена хозяина крупного предприятия, увлекающаяся от делать нечего (работать-то не надо) всякой эзотерикой и прочей чертовщиной, появляется на приеме у молодого Макара. Не знаю, какой обряд он ей посоветовал (может, тоже в ведьму какого-нибудь разряда посвящал), но для него нужно было отправиться в Велесов овраг и взять оттуда землицы. Почему-то она поехала вечером, то ли так для обряда было нужно, то ли просто не хотела пугать людей. Светился ли овраг в тот час зеленоватой дымкой? Она ли стала причиной исчезновения женщины? Или это просто миф?

Я надеялась получить все ответы сегодня. Макар мог действительно не знать Мишу, но знать Катаеву он обязан. И он ответит мне, по какой задумке послал впечатлительную, до-

верчивую мадам в тот ужасный мистический овраг.

На сей раз ехали быстро: пробки рассосались. Через полчаса уже останавливались напротив высотки, где экстрасенс вел прием граждан. Внезапно я задумалась о целесообразности такой спешки и глянула на светящееся табло часов автомобиля. Кто знает, работает ли Макар так поздно. Однако обстоятельно подумать об этом я не успела, потому что как только Илья произнес:

– Ну что? Идем? – сверху на капот машины упало что-то настолько тяжелое, что она с грохотом вмялась, лобовое стекло треснуло, а внутри салона сработали подушки безопасности.

Очухавшись от удара в грудную клетку и подождав, когда утихнет звон в ушах, я попыталась смять подушку, чтобы выбраться наружу. На помощь мне пришел Тимуров.

– Ты не ушиблась?

Вокруг находилось полно припаркованных автомобилей, и в ближайших к нашей сработала сигнализация. Стоял вой, поэтому тяжело было расслышать, что произнес Илья. Я, скорее, поняла, нежели услышала, и, сглотнув, ответила:

– Немного. Что это было?

– Как я успел заметить, на нас прыгнул самоубийца.

– Что?!

Только я взялась за ручку, как со стороны водителя дверца открылась сама, и заботливый мужской бас спросил:

– Илья Семеныч, вы в порядке?

– Никакого от вас толку, – бросил он, правда, беззлобно, и выбрался на улицу. Ввиду этого я заключила, что за нами, оказывается, постоянно следует тимуровская охрана. Что ж, богатым положено. Удивительно, как он сам рулит. Не лень?

Я нехотя вышла из покореженного джипа, приготовившись морально к лицемерию недовольного своей жизнью при жизни покойника. «Брат по несчастью», – почему-то подумалось мне. Хотя на данном жизненном этапе прыгать с крыши на чей-нибудь капот я собиралась в последнюю очередь. Однако, глянув в лицо самоубийце, распластавшемуся по машине Ильи, я в ужасе ахнула. Теперь свои вопросы задавать было решительно некому: мертвыми зрачками прямо из потустороннего мира на меня взирал экстрасенс Макар...

* * *

– Что же это? – начала я сыпать риторическими вопросами. – Как это?

Издалека донесся вой сирен. Похоже, кто-то из очевидцев вызвал «Скорую» и полицию.

Тут я поняла, что спутнику-то невдомек, от чего именно мой организм пришел в глубокий эмоциональный трепет, ввиду этого я пояснила:

– Это он! Тот самый экстрасенс! Макар.

Илья в свою очередь молча смотрел на тело, будучи таким же ошарашенным, как и я, затем, переварив полученную от

меня информацию, поинтересовался:

– А через какую дверь можно попасть в его приемную?

Я замялась, потом поняла, что он имеет в виду уличную, и кивнула на тот подъезд, через который заходила в прошлый раз и на котором, кстати, и висела табличка с его именем.

– А, точно, – вспомнил он. – Оставайся здесь. Ребята, за мной.

Я, естественно, не могла просто стоять на улице и, придя в себя, тут же побежала за ними.

Семимильными шагами Илья и трое бугаев входили в подъезд. Внутри компания разделилась: двое мужчин нажали кнопку лифта, а остальные трое человек, в числе которых я, кинулись к лестнице. На первый взгляд затея поймать убийцу выглядела нелепой: во-первых, неизвестно, существовал ли он вообще, ведь колдун мог покончить с собой, во-вторых, он мог давно скрыться. Но, чем дольше я думала, тем больше приходила к выводу, что Тимуров прав: преступнику или преступникам деться больше некуда, кроме как выйти через уличную дверь. Макар приземлился на нас совсем недавно, за те секунды, что мы приходили в себя, с девятого этажа мог бы успеть дезертировать лишь Человек-паук. Так что, если злодеи имеются в наличии, то они все еще в здании.

Мы быстро поднимались по ступенькам, позади уже остался пятый этаж. Илья, летящий впереди, обернулся и изумленно произнес:

– А ты не отстаешь! Спортсменка, что ли?

Я не любила говорить о себе, но вопрос требовал какого-нибудь ответа.

– Да, но только в прошлой жизни.

Он хмыкнул, решив, видимо, что я шучу. Очень зря.

Когда мы пробежали мимо шестого этажа, мое боковое зрение, которым я здорово славилась в стародавние времена, напомнило о былых заслугах: на этаже возле стены были замечены двое рослых мужчин, одетых во что-то черное. Ноги по инерции успели сделать несколько шагов, но я все же затормозила и обернулась. Те, думая, что проход свободен, ринулись по лестнице вниз. Мои же ребята успели оторваться вперед. Я закричала:

– Илья! Они здесь! – и тут же перегнулась через перила. Мужчины в черном, услышав мой зов, полетели вниз еще быстрее и уже не таясь.

Тимуров и его друг, услышав меня, вернулись, тоже сунулись в пролет и кинулись в погоню.

Лифт был свободен. Я подошла и нажала кнопку. Не знаю, поймут ли парни таинственных незнакомцев, но это уже не моя забота. Мертвец мне не мог дать ответы, но могли его вещи, бумаги, записи. Короче, я решила посетить еще раз его кабинет. К тому же, если он в это время еще вел прием, то, может быть, там будут люди, которые что-то видели и что-то скажут. Хотя здравый смысл подсказывал: если бы имелись такие люди, то они бы последовали за своим любимым ведь-

маком в процессе обряда инициации через выбрасывание в окошко. Тем не менее, оказавшись в кабине лифта, я нажала кнопку «9».

Выйдя из дверей, попала в абсолютно темный, длинный коридор. По памяти пошла направо. Очевидно, что прием страждущих закончился давно. Макар, наверно, приводил в порядок какие-нибудь бумаги или... кого-то ждал. В любом случае, он остался в кабинете один, тут ворвались двое амбалов и выбросили несчастного парня на дорогу. Их ли он ждал или кого-то другого? И все-таки я была права в своих подозрениях: будь Макар непричастен, никто бы его и пальцем не тронул. Значит, что-то знал. Значит, что-то видел. Значит, неспроста направил Витину мать в славящийся потусторонними делами Велесов овраг.

Я шла по коридору, слушая свои гулкие благодаря каблукам шаги и чувствуя себя из-за этого неудобно. Меня слышно издали, а вот я замечу ли приближение противника? Остается уповать на чутье, которое меня тоже, кстати сказать, ни разу не подводило.

Коридор повернул направо, я открыла незапертую дверь и попала в холл для ожидающих. Табло в центре помещения, висящее под потолком, уже не горело. В часы приема оно показывает номер талона. Стойка секретарши была пуста, дверь возле нее – нараспашку. Это и есть приемная мага. То есть – была.

Я зашла в комнату. Работал ноутбук и тусклый ночник.

Света не хватало, чтобы все хорошенько осмотреть, но я не хотела привлекать внимание с улицы, потому выключатель трогать не стала. Вот-вот сюда поднимутся менты. Лучше всего побыстрее найти что-то важное и убраться отсюда до их прихода.

Подсвечивая себе мобильником, я начала делать обход по комнате экстрасенса. Бумаги со списками клиентов, книги по эзотерике, всякая магическая атрибутика – ничего интересного. Я села за компьютер. Его экран продемонстрировал мне неоконченное письмо Макара. Неизвестному с ником shaman-moskva умерший писал: «Хорошо. Я уеду из города». Отправить, к сожалению, не успел. Я стала читать предыдущее письмо, то, на которое он отвечал: «Макар, ты в опасности. Ты понимаешь это? Они не оставят тебя в живых. Тебе нужно бежать, и как можно скорее».

Я так увлеклась чтением переписки, что заметила постороннего лишь тогда, когда он прокрался на середину комнаты и встал у меня за спиной. Вот именно спиной я его и почувствовала. Кровь живо бросилась в лицо. Стараясь не шевелить головой, я осматривала поверхность стола в надежде найти что-то, что можно использовать в качестве оружия. Единственное мое нынешнее средство – эффект неожиданности, ведь этот человек не знает, что я его заметила.

В органайзере покоились ножницы. Я резко схватила их одной рукой, одновременно с этим двигаясь вместе с креслом на колесиках чуть в сторону и, обернувшись, замах-

нулась. Через две секунды выдохнула и бросила ножницы на стол.

– Как ты так быстро поднялся?

Илья был удивлен моим броском, поэтому ответил не сразу.

– На лифте. Чем заслужил покусение?

– Я думала, это убийцы.

– Они сбежали. – Тимуров взгрустнул и отвел глаза к стене. – Чуть-чуть не нагнали...

– А двое других твоих парней? Где они?

– В обратный путь они пустились по лестнице, так как здесь никого не застали.

– Понятно. Надо уходить, а то нарвемся на полицию.

Мы вышли из помещения и пошагали к лифту.

– А почему ты их боишься?

– Я не боюсь, просто не хочу объяснять, каким макаром я оказалась у Макара.

– Каламбуришь? – усмехнулся Илья и нажал кнопку четвертого этажа, надо полагать, в целях конспирации.

Я же оставалась серьезной и продолжать тему не стала. Мы переждали в каком-то закутке указанного этажа наше присутствие представителей власти. Затем у Ильи завибрировал телефон, он ответил и, окончив короткую беседу, заявил, что путь свободен.

В гостиницу меня привез на джипе один из его товарищей, сам Тимуров остался разбираться с машиной. Попав в

номер, я долго ходила из стороны в сторону, размышляя обо всем увиденном и услышанном. Макар знал о предстоящей опасности. Хотел сбежать из города, но не успел. Вопрос в другом: его бы убрали и без моего вмешательства, или кто-то следил именно за мной, и парень стал не нужен живым в результате моей с ним беседы? Но кто и зачем мог интересоваться мной? Может, нас видели с Надеждой в тот момент, когда мы опрашивали посетителей усадьбы? Они слышали, что Миша пропал у меня на глазах, и решили, что я что-то видела? Тогда я тоже становлюсь для них опасна. Теперь уже никаких сомнений не оставалось в том, что мальчика унесли не темные силы, а вполне себе люди из плоти. И унесли, как не прискорбно, скорее всего, уже мертвого.

Сидеть и ждать у моря погоды не в моем характере. Не скажу, что я так крепко держалась за свою жизнь, просто я жаждала распорядиться ею сама. Я не горела желанием отдавать ее в руки других людей – похитителей детей и убийц. Выбежав из номера, я спустилась на первый этаж, заплатила за выход в интернет и села за компьютер. По памяти набрала электронный адрес того, с кем переписывался перед смертью Макар, и настрочила письмо следующего содержания: «Здравствуйте. Меня зовут Лиза. Я расследую обстоятельства исчезновения Анны и Вити Катаевых и Михаила Горохова. Вы знаете, что Макар погиб? Его выбросили из окна собственного кабинета прямо в процессе вашей с ним переписки. Вам тоже может грозить опасность. Свяжитесь

со мной, если что-то знаете». И приплюсовала номер своего телефона. Хорошо, что еще давно, в прошлой жизни, я завела себе запасной электронный ящик, этого адреса никто не знал. До сегодняшнего дня и в исходящих, и во входящих было пусто, не считая инструкций от почтовой службы. Теперь в исходящих появилось первое письмо. Я немного подождала на случай, если человек находился возле компьютера и включил функцию оповещения. Однако это не принесло плодов. В пятнадцатый раз обновив страницу, я поняла, что расслаживаться здесь больше не имеет смысла, и поднялась к себе.

* * *

«Лиза... Лиза, ты спишь? Лиза!»

Две худенькие руки меня нежно, но в то же время интенсивно раскачивали.

«Лиза, проснись!»

Я открыла глаза.

«Что случилось?» – «Тсс, говори шепотом. Чтобы он не проснулся». – «Хорошо. Так что случилось?» – «Я кое-что придумал. Давай сбежим. Сейчас. Пока он спит». – «Виталька, ты с ума сошел. Мы не можем сбежать, мы у него на попечении. Подожди немного. Скоро я закончу институт, стану зарабатывать. Буду участвовать в соревнованиях и дополнительно тренировать детей. Спортсмены много получают. Но

даже если никуда не выбьюсь, пойду в школу работать учителем физкультуры. Как-нибудь проживем вдвоем. Но сейчас нам идти некуда». — «Лиза, но что же делать? Я чувствую, что еще немного... и... и я... — мальчик всхлипнул, и у меня защемило сердце, — ...и я умру, Лиза».

Я лежала в каком-то параличе и разглядывала грязно-белый потолок. Наконец голоса в моей голове начали затихать, еще через минуту я смогла подняться и пойти в ванную.

Дневной свет в номер практически не поступал. Будто сговорившись с отчего-то пасмурным небом, солнце в этот ранний час даже и не пыталось пропустить на поверхность далекой Земли хоть немного своих лучей. Я вспомнила, что вход в усадьбу открывается в восемь, и решила, что как раз приеду вовремя.

Скоро я была на месте. В будний день на территории Коломенского в такую рань, кроме меня и двух глубоких пенсионеров, сидящих на лавочке недалеко от входа, никого не было. Где-нибудь часа через два к нам добавятся домохозяйки, молодые мамочки с колясками и любознательные туристы. А пока можно наслаждаться уединением, слившись с мрачной пустотой заколдованной усадьбы. Следуя привычному маршруту, я оказалась на той самой лестнице, откуда четыре дня назад спускался к оврагу Михаил.

Я долго смотрела вниз невидящим взором, полностью погруженная в свои мысли, но в один прекрасный момент мои уши, наострившись, уловили какой-то голос из оврага. Я

решила, что мне показалось, и все же начала всматриваться. Сверху виднелись ручей, текущий лениво и бесшумно, а также густая растительность, имевшая какой-то сероватый оттенок, не то по вине пасмурной погоды, не то из-за тумана. Подумав об этом, я сконцентрировалась на том отрезке тропы, по которому шел Миша в роковой субботний вечер. К сожалению, из-за деревьев было очень плохо видно, я даже присела и стала рассматривать дорожку через редкие прутья лестницы. Мне кажется или это и впрямь туман?

В приступе поднимающейся паники я разогнула колени и отправилась вниз по ступенькам. Спустившись, я сделала несколько шагов вперед, глядя в том направлении, и вскоре в ужасе застыла. Действительно, в том же самом месте, что и в прошлый раз, в воздухе раскинулось облако густого тумана, доходящее до самой земли. По этой земле оно распространилось чуть дальше и затронуло траву, попадающую под обзор с лестницы. Именно поэтому она казалась серой. Сам туман, противореча легенде, соответствовал цвету потолка моего номера в отеле – такой же грязновато-молочный. Хотя...

Я медленно ступала вперед и, когда приблизилась к серовато-белой дымке, разглядела, что чуть дальше ее цвет меняется. На серо-болотный. Скорее всего, еще дальше он будет болотно-зеленым – таким же, как в момент исчезновения Горохова Миши. Оставалось решить одно – я самоубийца или нет? Однозначно я знала только то, что я боец. Бо-

роться с собой или с неизведанным – велика ли разница? Я просто периодически меняю первое на второе. И все-таки, здесь, сейчас, в этих обстоятельствах мой разум убедительно подсказывал, что бороться не всегда необходимо в одиночку.

Я попятилась, продолжая глядеть на манящую дымку. Воистину, она имеет какую-то силу. Она притягивает, заманивает в плен. И не выпускает уже никогда.

Держа трубку возле уха в ожидании ответа Ильи, я вспоминала слова Надежды: «Вам повезло, что вас эта нечисть не тронула». Действительно, почему?

– Лиза, неужели ты позвонила сама?

– Я в Велесовом овраге. Тут зеленоватый туман. Нет времени на разговоры. Если можешь, приезжай.

– погоди... Что? Зачем ты туда пошла? Не смей ходить одна, это ясно?!

Я сбросила. От мужчин одни проблемы. Зачем было звонить ему?

«Что смотришь волчонком? Запомни, дылда, никогда не перечь мужику. Силы не равны. Никогда не посмотрю на то, что ты баба. Мне чужой приплод не нужен, и цацкаться я с вами не собираюсь. Захочу – еще раз ударю. Захочу – измордую до смерти. Захочу – выгоню на помойку. И тебя, дрянь, и этого мелкого сучонка».

Одни проблемы! Да, одни проблемы... Был на свете единственный мужчина, от которого никто никогда не видел зла. Только добро, нежность и любовь. Но он умер, так и не успев

в полной мере никому этого дать...

«Не смей ходить». Посмею. Ты мне не указ.

Я ступила на окутанную таинственным смогом тропу. Неподалеку раздавались какие-то звуки, то ли звяканье, то ли скрип. Я делала неторопливые шаги, напрягая все органы чувств. Если на меня нападут, я буду готова. Каменный пресс живота подобрался, бицепсы напряглись, ладони сомкнулись в кулаки, а накачанные мышцы ног вспомнили, как они истосковались по бегу.

Я шла вперед, но видела не дальше, чем на двадцать сантиметров от носа. В этот раз я не стала протягивать руки, а доверилась чувству, инстинктам. Зрение не являлось идеальным помощником в данной ситуации, зато слух не простаивал. И через пару секунд я четко услышала:

– Уже что-то...

Это был мужской голос. С одной стороны, в нем не было никакой враждебности, с другой, что мог обыкновенный человек делать здесь, в это время, окутанный загадочной зеленоватой дымкой?

Сделав еще три шага, я увидела очертания человека. Я сразу вспомнила предупреждения Надежды Гороховой о том, что здесь в разные времена встречали жутких волосатых существ, но не успела испугаться, так как в глаза бросилась светлая одежда – явно не йети. Либо йети, разодетый для свадебной церемонии, но в этом случае он тоже неопасен, так как ему сейчас явно не до меня.

Уповаая на то, что я нашла потерявшегося мальчика, я воскликнула:

– Миша!

Пары тумана завибрировали удивлением.

– Кто это? – услышала я вполне человеческий голос. Тот же самый, который говорил до этого.

Силуэт зашевелился – подходил. Дымка начала рассеиваться. Она уходила сверху вниз, поэтому сначала я увидела гладко выбритое лицо мужчины лет тридцати от роду, затем его туловище, одетое в какой-то расписной камзол, потом короткие облегающие брюки, тоже светлые, и, наконец, белые гольфы и черные башмаки, украшенные камнями. В руках у молодого человека наличествовала трость. Сперва его лицо казалось обрамленным сгустком белого тумана, но, когда воздух очистился совсем, я поняла, что это всего-навсего накрахмаленный, завитой парик. Приятно, что в этом не было ничего сверхъестественного, но как-то дико видеть в двадцать первом веке искусственные волосы на мужчине, да еще и длинные и седые. Чего скрывать, эта личность словно сошла с картинки учебника по искусствоведению, из раздела под названием «Человек эпохи барокко».

– Голубушка, не подскажите, как выйти мне отсюда? – спросил господин и добавил что-то по-французски.

– Смотря куда вам надо... – Я еле сдержалась, чтобы не добавить «сударь», и задала наводящий вопрос: – К метро?

Длинные ресницы затрепетали.

– Как вы сказали? О, мон дио... Где же я?

– Вы в Коломенском.

Мужчина начал судорожно оглядываться.

– А где же все? Где свита? Где государыня? Вы не изволите сообщить мне, ежели что-то видели?

– А? – не поняла я. – С вами все в порядке? О чем вы?

Он теперь внимательно смотрел на мою одежду.

– Кто же вы? Модистка? Портниха государыни?

– Сейчас огребешь за портниху, понял? На себя посмотри, чего вырядился? На маскарад собрался?

– Маскарад у государыни был вчера, а сегодня у нас гулянья... Но я отстал и теперь не пойму, куда меня тропинка завела. Или... О, мон дио! Был зеленый свет и туман... Неужель меня судьбинушка забросила в... нет, нет, не может этого быть! Сударыня, – обратились ко мне, – а какой нынче год? Двадцать шестой?

– Что? – Я решила, что каким-то образом переместилась на съемочную площадку фильма «Назад в будущее». Новой части. Теперь Марти Макфлай прилетел в век Просвещения. Здесь он тоже найдет своих прапрапра... и будет помогать им строить романтические отношения.

– Как вы сказали? Государыня устроила гулянья? А какая государыня, напомните мне?

Глаза пришельца расширились.

– Матушка наша Екатерина Алексеевна!

Так, все ясно. Попаданец явился из 1726 года – периода

правления Екатерины Первой, жены Петра. И что мне теперь с ним делать?

Стоп. Я сказала «попаданец»? Неужели я верю в это? Неужели и впрямь поддерживаю мысли, что это правда? Но как иначе сие объяснить? Если это шутка, то как этот человек узнал, что я в данный час спущусь сюда и его увижу?

– Вы здесь один? Никого не заметили поблизости?

– Мон дио, поначалу было очень много светских лиц! А сколько именитых гостей! Князь Меншиков, граф Апраксин, граф Толстой, князь Голицын, барон Остерман, даже Долгорукие пришли! А они, между нами говоря, государыню-то не жалуют... Они прочили в императоры малютку Петра Алексеевича, но, согласитесь, нужно быть зрелым человеком, чтобы управлять такой империей! Как вам чается?

– Вашей Екатерине недолго осталось, вот как мне чается. Петр Второй придет к власти уже через год.

– Как, и вы с ними?! О, мон дио, у кого я спрашиваю рекомендации? У портнихи! Как будто она что-то ведает в политике! Да я, видать, полностью растерян, коли к вам обращаюсь, сударыня... – Князь, барон, или кто он там, снова начал тщательнейшим образом осматриваться. Крутил головой так, словно в эту самую секунду появится указатель с надписью «Императрица – 1 км» и стрелочка с направлением. Ой, простите, наверно, правильно говорить в верстах?

– То есть вы на полном серьезе утверждаете, что живете в 1726 году?

– Ну конечно! – с пафосом ответили мне и сделали красивый жест рукой, словно приглашали на танец.

– Так, мне нужно посоветоваться. Обождите.

Я вновь полезла за мобильным. Глядя, как я тыкаю кнопки на загадочной черной светящейся пластинке, мужик вытаращил глаза.

– Экскузе муа, что это у вас в руках?

Я отмахнулась, мол, не мешай.

– Лиза, ты где?! – заорала трубка голосом Ильи Тимурова. – Я уже еду, слышишь!

– У меня тут небольшая проблемка. Ты не мог бы приехать поскорее?

– Десять минут!

Вскоре мы сидели вдвоем на лавочке в парке. Территория усадьбы оживилась, как я и предполагала, на арену выскочили и туристы, и мамыши, и старички. Все происходящее уже не казалось страшным; странным – да, но не пугающе странным, а... даже не знаю. Я, честно говоря, в тот момент думала, что этот тип просто сбежал из психушки, и по возможности старалась меньше вступать с ним в контакт. Илья же, напротив, лез с расспросами, уточнениями. Боясь, что ему вешают лапшу, он допытывался об исторических подробностях тех времен. Либо он сам хорошо знал историю России Эпохи дворцовых переворотов и проверял ответы чужака, либо просто запугивал, создавая ложное впечатление осведомленности, а сам ожидал, когда незнакомец начнет путать-

ся и в итоге сдастся.

– Я ничего не понимаю! – наконец, отозвав меня в сторонку, с трагическим отчаянием заявил он. – Он очень складно все рассказывает. Может, это правда, а?

Я застонала, точно у меня разболелись зубы. Однако на самом деле у меня давно уже ничего не болело.

Вздыхая, я полезла в сумочку и достала фотографию Миши. Авось повезет.

– Вы не видели этого мальчика в овраге?

– Ах, какой славный гарсон... Нет, я смею заметить, что с тех пор, как затерялся, отстав о великого шествия гостей императрицы, никого не встречал, кроме вас.

– Очень плохо... Ладно, спасибо.

– А ну-ка, выверните карманы! – неожиданно скомандовал ему Илья.

– Что ты делаешь?

– Спокойно, Лиза. Нужно кое-что проверить.

– О, мон дио, – занервничал человек в камзоле. – Это понимать, как ограбление знатного вельможи?

– Или сам выворачиваешь, или я туда залезу, это ясно?!

– Уи, уи! Я сдаюсь, берите всё, только не душегубствуйте, умоляю! У меня двое маленьких ребятушек!

Мужчина извлек из кармана кожаный кошелек на веревочке и со словами «силь ву пле» передал Тимурову. Тот с ярым любопытством принялся развязывать, едва не порвав, и высыпал себе на ладонь несколько золотых монет.

– Ничего не понимаю... – повторил он сам себя. – Старинные монеты...

– Поркуа вы говорите «старинные»? Это современные деньги. Любой лавочник вам это подтвердит! Можете купить что угодно, только отпустите меня, силъ ву пле!

– Вы в двадцать первом веке, вы что, еще не поняли? – ответил ему обозленный Илья. – Для вельможи вы тугодум!

– Послушайте, зачем же оскорблять?

– Черт, что делать с ним будем? – обратился ко мне Тимуров. – Его нельзя здесь так оставить! Может, дожидаться зеленого тумана и переплавить его обратно?

– А ты уверен, что зеленый туман телепортирует его в нужное ему время? А вдруг будет еще хуже? Лучше вызвать полицию и отдать господина в их руки.

– Ага, ты знаешь, чем это закончится? Они его спроведят в психушку.

– Так, может, ему туда и надо?

Пока мы вели дебаты, таинственный вельможа изучал циферблат своих часов, прикованных цепочкой к укороченным брюкам. Затем попросил:

– Дайте, будьте так любезны, еще раз взглянуть на прекрасного юношу.

Мы переглянулись. Я почувствовала воодушевление и с легкостью изъяла изображение из сумочки, так как успела его уже убрать. Неужели он что-то вспомнил? Неужели он видел парня в параллельном измерении?

– А сколько ему лет? – Мы пожали плечами, ведь знали только примерно. – Что это значит? Вы не в курсе, сколько лет вашему сыну? – Не могу сказать, что поразило больше: то, что Мишу Горохова записали в наши общие дети с человеком, которого я вижу третий раз, или что попаданец из прошлого за несчастные пятьдесят минут сумел изучить современный сленг. – Короче, это, конечно, не мое дело и правило «кто платит, тот и заказывает музыку» еще никто не отменял, но по моему профессиональному опыту пацану такого возраста игры с историческим уклоном будут уже неинтересны.

– А? – только и смогли вымолвить мы.

Незнакомец в парике продолжал:

– Но дело ваше. В любом случае, решайте быстрее, подхожу я вам или нет, потому что через пятнадцать минут у меня новое собеседование. После того как еще несколько людей пропало в Голосовом овраге, это развлечение пользуется повышенным спросом.

Мы молчали. Наконец Илья рассвирепел и накинулся на мужика, схватив его за отворот камзола и начав усиленно трясти:

– Так это розыгрыш, да? Игра? Ты не из прошлого? Ты нам врал?!

– Э-э-э, а чего вы обижаетесь? Вы же сами заказали. И пустите меня, вы знаете, сколько стоит день аренды этого прикида? Будете оплачивать сами, если порвете!

Бизнесмен отпустил аниматора, да так здорово, что тот ударился спиной о лавочку и охнул.

– Кто тебя заказал? Что ты мелешь?

– Вы Некрасовы? – испуганно спросил тот.

– Нет, мы Цветаевы, блин!

– Как? У нас же было назначено на девять тридцать... Репетиция. Для чего вы меня вопросами об эпохе правления Екатерины Первой заваливали? Я решил, что это проверка, хорошо ли я знаю историю, смогу ли ребенку рассказать. – Взгляд актера уперся в меня. – Вы же меня по имени называли! Мишей!

– Да не вы Миша! Он, – показала я на фотографию, – Миша! Парень, который пропал!

– О-о... Так, здесь мне не заработать. – Он поднял с лавочки кошелек с бутафорскими монетами и зачесал в сторону выхода с парка.

Чуть помедлив, я отправилась догонять.

– Михаил, извините, – сказала, взяв его за руку. – Вы сказали, что игра связана с исчезновениями в Велесовом овраге. Ну, в Голосовом.

– Ага. И?

– Что вам про это известно?

– Только то, что написано в новостях мистического портала Москвы. Пропала женщина и два пацана.

– А как вы не побоялись спуститься туда, когда в овраге стоял туман с зеленым оттенком? Вы же знаете предание.

– Что? Сударыня, вы не дружите с рассудком.

– Так, выходите из образа! Немедленно!

– Хорошо-хорошо, не надо нервничать. – Актер даже снял парик, чтобы меня успокоить. Тут как раз и Тимуров подошел, заинтересовавшись, зачем это я снова заговорила с данным типом. – Никакого тумана там не было! Это я запустил. Проверял, работает ли фишка. Не обманули! Все работает. Быстро и бесшумно.

– Что работает? – тут же принял стойку Тимуров.

Распознав по нашим лицам жажду знаний, аниматор Коломенского согласился за небольшую плату (все-таки на нас время тратит, вместо того чтобы с заказчиками встретиться) все рассказать и показать. Так мы снова очутились на дне Голосова оврага. Михаил показал нам дымящиеся шашки. Черные с зеленой и белой наклейками. В театральном магазине можно купить «дым» любых цветов и продолжительности (зависит от размера коробочки), наклейка как раз демонстрирует цвет товара. В том магазине, по словам актера, затариваются все театры Москвы и ближайших городов для своих спектаклей. Мы, конечно, выпросили адрес, хоть и заранее знали о тщетности предстоящего мероприятия: даже если знать наверняка, что тот туман, в который угодили мы с сыном Надежды, являлся таким же искусственным, как и этот, то как быть уверенным в том, что похитители и, скорее всего, убийцы Миши Горохова делали покупки именно в том магазине, а уж тем более как поверить в то, что продавцы их

запомнили и смогут описать. Дав эту информацию, Михаил удалился.

Тимуров долго изучал меня безрадостным и каким-то даже сочувствующим взглядом, затем предположил:

– Выглядишь усталой. Не выспалась?

– Не спала.

– Лиза, ты удивляешь меня все сильнее и сильнее. Ты не ешь, не спишь, ничего не боишься... Давай я завезу тебя в отель, ты отдохнешь, а сам пока сгоняю в этот магазин.

– Ну уж нет. Мы поедем туда вместе.

Илья вздохнул.

– Хорошо. Но сначала заскочим в ресторан и чего-нибудь поедем.

Я попыталась отклонить предложение, но напарник сильно настаивал, а мне было достаточно все равно для того, чтобы дальше не спорить. Поэтому мы вышли из парка и подошли к совершенно другой машине – спортивному серебристо-голубому «Бугатти».

– Предыдущий конь приказал жить?

– В автосервисе. Это моя выездная тачка. Надеюсь, в ближайшее время нам по плохим дорогам не придется колесить, а то спорткар не потянет.

– Не переживай, пока не доведем расследование до конца, отдых в деревне тебе не светит.

Вскоре мы сидели в каком-то уютном, маленьком, но дорогом ресторане. Цены в меню зашкаливали, но, поскольку

Илья любит хвастаться своим достатком, нет ничего страшного в том, чтобы он за меня заплатил. Тем более что сам предложил сюда отправиться и фактически даже заставил.

– Как думаешь, – поинтересовалась я его мнением, – тот туман, в котором исчез Миша Горохов, был произведен из этих дымовых шашек?

– Не знаю, это ты была свидетельницей того происшествия.

Я пожала плечами.

– Я тоже не знаю. Дым был весьма похож на тот, что устроил этот высокомерный актеришка. В то же время, почему не было никакого шума? Дым слоился по земле достаточно долго, они должны были несколько таких шашек запустить.

– Он же сказал, они бесшумные, – напомнил Тимуров. – Вопрос в том, насколько они бесшумные. Ночью звуки разносятся далеко. Я в таких вещах не разбираюсь, как-то не сталкивался. Вот приедем в магазин и зададим свои вопросы.

– Тот ли это самый магазин? Возможно, их несколько в Москве. Возможно, преступник затоваривался в интернет-магазине. Возможно, привез с собой из-за границы. Это слишком тонкая нить, чтобы за нее хватать и разматывать клубок, слишком тонкая... – Я запустила ладонь в волосы – этот жест обычно передавал состояние отчаяния, но я вроде бы уже не способна его испытывать. Наверно, просто по привычке. Автоматизм.

– Ну ничего, курочка по зернышку клюет.

Мы заказали еду. Какое-то время сидели молча, затем Илья, уставившись на меня внимательными зеленовато-серыми глазами, похожими оттенком на тот самый туман, спросил:

– Почему ты ничего о себе не рассказываешь?

– А для чего? – пожала я плечами.

– Не знаю. Интересно же. Кто твои родители?

– У меня нет родителей.

– У всех есть родители. Или ты детдомовская?

– Нет, я не детдомовская.

– А что тогда? Разругалась и больше с ними не общаешься?

Я помолчала и все-таки созналась:

– Мои родители умерли.

– М-м, сочувствую... Ну а другие члены семьи? – продолжал донимать собеседник. – Кто у тебя есть из родственников?

– У меня нет родственников.

– Что, тоже умерли? – хмыкнул Тимуров, не веря, но, когда я на полном серьезе ответила:

– Да, умерли, – улыбка с его уст стремительно испарилась.

– Извини.

– Да ничего.

Через некоторое время, когда мы уже ели, он прицепился с новой порцией вопросов:

– А ты же из Тулы приехала?

– Да.

– Расскажи: что ты все-таки делаешь в Москве?

– Ничего особенного.

– Но а зачем ты переехала сюда? Какие надежды связываешь с Москвой? Хочешь сделать карьеру, найти любовь... Что?

Илья выглядел крайне заинтересованным. И в принципе, никакая иная причина и не заставила бы его задавать мало-знакомому человеку столько личных вопросов – только глубокий интерес к моей персоне. Что делать в этой ситуации мне? Игнорировать вопросы, потому что этого хочется мне, или по возможности отвечать на них, потому что этого требует вежливость и этого хочется ему?

– Если честно, я не то чтобы приехала в Москву, я, скорее, уехала из Тулы. И давай закончим на этом, я очень не люблю говорить о себе.

– Да, конечно, извини. Я сразу понял, что у тебя произошло что-то в жизни... м-м, плохое, и, как только тебе потребуется слушатель, можешь все мне рассказать. А пытаться больше не буду.

– Спасибо за понимание. Если хочешь, можешь говорить о себе.

Не скажу, что мне было сильно любопытно, просто я боялась, что он вскоре забудет о своем обещании и снова ко мне прицепится с очередным интервью, а так ему будет чем

заняться, и мне вовсе даже необязательно его слушать. Все так и случилось: он много балаболил, а я слушала лишь изредка, да и то особо не напрягаясь.

Наконец мы поехали по указанному адресу – тому, где располагался театральный магазин.

Внутри он выглядел довольно мило. По стенам развешаны карнавальные маски любого размера, для любого амплуа и возраста: от тигрят во все лицо для детей до интригующих венецианских масок «Коломбина», игриво закрывающих лишь область вокруг глаз. На манекенах парики, бороды, шляпы и разнообразные маскарадные костюмы. На витринах баночки с гримом, вставные вампирские челюсти, накладные шрамы, кровавые раны и лысины, бутафорское оружие и прочий театральный реквизит.

Илья ткнул в костюм пирата:

– Хочешь, я так оденусь для тебя?

Я без капли энтузиазма парировала:

– Мне тогда мести ради придется облачиться медсестрой?

– Не стану возражать, – хохотнул спутник.

За прилавком стоял невысокий седой мужчина, чем-то напоминающий средневекового алхимика. Или аптекаря. Очки в толстой оправе скрывали маленькие глазки, в которых одновременно сквозили и мудрость, и любопытство, и безумие. Он погладил маленькую белесую бородку весьма плавными, неторопливыми движениями и вежливо сказал:

– Чем могу, господа?

Было очевидно, что если наш сегодняшний актер у кого-то и мог купить свой костюм придворного вельможи, то только у этого человека.

– Подскажите, – приблизился к нему Илья, – у вас продаются дымовые шашки разных цветов?

Мужчина молча разглядывал нас, затем снизошел до ответа:

– Да, молодой человек, у нас продаются шашки с дымом нескольких оттенков: желтого, зеленого, красного, фиолетового. И, конечно, белый дым. Все в наличии.

– Скажите, а они производят шум?

Не произнося ни слова, пожилой человек ленивой походкой продвинулся в другой конец стеллажа, находившегося у него за спиной, вернулся с одной из шашек и зачитал нам с этикетки:

– «Практически бесшумны». Будете брать?

Илья сделал вид, точно задумался, затем отрицательно покачал головой.

– Нет. Наверно, вообще редко берут, да?

Продавец опять замолчал, но смотрел теперь так, словно пытался прочесть наши мысли или увидеть новых клиентов насквозь. Причем так, чтобы через наши тела в подробностях рассмотреть стену.

– Если у вас нет надобности в данном товаре, почему, позвольте спросить, вы интересуетесь спросом?

Илья даже завис от такой приторно тактичной наглости.

Тут включилась я:

– Если вы переживаете, что мы являемся вашими конкурентами, то совершенно напрасно. Мы занимаемся исследованием исчезновения трех людей. – Я достала фотографию Миши. – Вот один из них. Мальчик-подросток, ученик средней школы. Неужели вы не хотите нам помочь?

– Конечно-конечно, – легонько улыбнулся торговец. – Простите, я не расслышал, из какой вы структуры?

В прошлой жизни я бы ахнула, боясь оказаться разоблаченной. Но здесь я была готова практически ко всему. Глядя, как подобрался Тимуров, явно горящий желанием схватить аптекаря-алхимика за грудки и вытрясти из него все его зубы, я положила руку своему напарнику на плечо, чтобы успокоить, и ответила:

– Мы занимаемся частным сыском. Хотя полиция уже возбудила дело по этим происшествиям. Просто мы вышли на ваш магазин раньше, чем они. Но у меня есть телефон оперативника, занимающегося исчезновениями, я, пожалуй, могу оказать ему услугу и помочь продвинуться в расследовании.

Пожилой человек, по всей видимости, не жаждал контактировать с органами, посему начал общаться с нами на вполне адекватном уровне.

– Так какой у вас вопрос? Поделюсь всей информацией, которой располагаю.

– Замечательно. Вы видели этого парня когда-нибудь?

Мужчина еще раз взглянул на фото.

– Нет. Да молодые здесь и не бывают.

– А кто последний раз покупал у вас шашку с зеленым дымом?

– О, – растянул гласную продавец театральной лавочки. – Зеленый дым пользуется спросом. Не знаю даже, чем он им приглянулся... Берут почти так же часто, как и белый.

– А вы не сможете вспомнить, кто покупал сразу большую партию? И где-нибудь месяц назад или раньше?

Средневековый алхимик сразу расстроился.

– Здесь, разумеется, народ не толпится, как вы, вероятно, сумели заметить, все-таки товар специфический, но месяц – это довольно большой срок.

– Может, вы ведете какие-то записи? Вносите в компьютер крупные заказы?

– Совершенно верно, – кивнул мужчина, но радоваться я не торопилась, и, как выяснилось, правильно поступила, – мы работаем и по предоплате тоже, но лишь с юридическими лицами. Грубо говоря, один из театров делает заказ, мы его формируем и отгружаем. В накладной, конечно, фиксируются реквизиты заказчика. Но, сдаётся мне, вас интересуют физические лица? С такими мы работаем через кассу, по чекам. После снятия Z-отчета в конце рабочего дня я уже не могу вернуться в другую дату и просмотреть список товаров. К тому же никаких данных о покупателе все равно нет, только товар и сумма.

– Ну это понятно, – вздохнула я.

Илья взял меня под локоток, отвел в сторонку и зашептал:

– Ты ему веришь?

– Да. Я подрабатывала в супермаркете, я знаю все и про кассу, и про накладные, и про безналичные расчеты.

– Да ну? Господи, Лиза, я знал, что многого о тебе не знаю, но не знал, что не знаю настолько много.

Продавец услышал последнюю фразу и удивленно выпучил глаза. Видать, обилие форм глагола «знать» так его напугало. За это время подошла его помощница – молодая девушка стандартной внешности с убранными в пучок волосами. Их обоих мы впоследствии попросили выдать нам список юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, покупавших более одной шашки с зеленым дымом за последние полгода. Таких, к сожалению, оказалось чересчур много, распечатка заняла несколько листов формата А4 мелким шрифтом. Илье за эти услуги пришлось раскошелиться. На всякий случай мы оставили свои координаты, вдруг кто-то из них что-нибудь вспомнит.

По дороге в отель Тимуров пытался назначить мне на вечер свидание.

– Давай сразу куда-нибудь поедем. Отдохнем. Или тебе нужно заскочить в свой номер переодеться?

– Я что, так плохо выгляжу? – спросила я абсолютно ровным тоном.

– Нет, что ты! Ты великолепная девушка. И выглядишь всегда шикарно. Я вроде уже говорил об этом. Ну так что?

Хочешь в кегельбан? Я мастер по бросанию шара, ты меня не победишь!

– Даже не буду стараться.

– Понял. Хотя ты кажешься спортивной девушкой, но...

Что ж... В консерваторию? В Третьяковку? В Большой?

– Давай завтра поговорим. Сегодня мозги не работают, и я никак не придумаю достойный ответ.

– Завтра у меня крупное совещание. Боюсь, на целый день. Поэтому весьма рассчитывал на сегодняшний вечер, который вот-вот уже наступит... – Я молчала. – Ну нет – так нет! – ничуть не расстроился Илья. Либо просто не показал вида.

В гостинице я первым делом отправилась в компьютерную. Оплатила еще час и вышла в интернет. С тех пор, как я отправила имэйл, указав номер телефона, никто не пытался со мной связаться, и все же я не теряла надежду. Как выяснилось через пару минут, правильно делала. Во входящих было письмо от shaman-moskva. Я тут же его открыла, совершенно не нервничая.

«Я узнал о Макаре. Вы не лгали. Это ужасно, что с ним сделали, он был мне другом. Вы действительно расследуете обстоятельства исчезновения Катаевой? Я могу дать вам информацию. Телефон не назову, опасно. Имя тоже. Общение через почту или чат. И с условием, что никто обо мне не узнает».

Я написала: «Согласна» – и отправила.

Через десять минут пришел ответ.

«Не так давно Макара попросили об услуге. Когда к нему явится определенная дама, имя и фото прилагается, он должен любыми путями заставить ее приехать в определенный день и время в Коломенское и спуститься в овраг около церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Деньги сулили баснословные. Он согласился. Дамочка пришла на прием, все прошло как по нотам. Она верила каждому его слову. Но потом мы выяснили, что из оврага она так и не вернулась. Я запаниковал, а Макар уверял: «Совпадение». Но я продолжал следить за этой историей. Ездил в Коломенское, собирал факты, показания свидетелей. Выяснил, что впоследствии пропал ее сын. Тогда мы испугались уже оба. Я умолял Макара уехать, но это его не спасло. Эти люди очень опасны».

Письмо привело меня в состояние шока. Я долго водила глазами по строчкам, перечитывала отдельные предложения и пыталась понять, во что я влипла. У меня был выбор: поняв, что я гавкаю на слона, отступить и жить дальше или же броситься в схватку с людьми, для которых человеческая жизнь представляет собой ценность, вряд ли превышающую пятирублевую монету.

Жить дальше... Как глупо. Конечно, меня это больше не волнует. А Миша Горохов... Несчастный мальчик, которого похитили. Если он жив, я могу попытаться его найти. Если жив... Как это узнать? Вот он шел-шел по тропе и в течение каких-то секунд, когда я потеряла его из вида, растворился в

тумане. Если его сразу убили, то как они так быстро спрятали тело? Я же шла следом и никого не видела. Если они его похитили, то он должен был кричать, брыкаться... А я, повторяю, шла следом! Может, его усыпили каким-нибудь хлороформом? Или сделали быстрый укол? Он потерял сознание, они услышали, что кто-то идет по дороге, я в этот момент как раз кричала что-то вроде «Стой!», так вот, они могли тихо взобраться на склон или спрятаться в кустах вместе с телом усыпленного мальчика. Иначе получалась какая-то бредятина. И в то, что он мог сбежать из дома, подстроив свое исчезновение, я уже не верю. Слишком эти три случая завязаны. И завязаны с какими-то очень плохими и серьезными людьми.

Подумав, я решила завязаться туда же, к ним, в этот опасный клубок.

Я застучала по клавишам. «Вы что-нибудь знаете об этих людях? Есть вероятность, что Горохов и Катаевы живы?»

В ожидании ответа растирала пальцы, а затем и вовсе пошла к автомату за капучино.

«Я знаю только фамилию заказчика. Расторгуев. В преступном мире человек известный. Я не думаю, что кто-то из них жив».

Я напечатала: «Почему вы уверены, что их убили? Вы что-нибудь знаете о мотивах?»

Ответное письмо пришло очень быстро. «Да, есть предположения. Простите, мне нужно уходить. Встретимся завтра

в десять часов в чате. Я пришлю ссылку. Так надежнее. Переписка в чате не сохраняется на сервере».

«Я буду», – послала я ему и вышла из системы. Человек боится – это понятно. Главное, что я сильно продвинулась в своем расследовании. В деле уже появилась фамилия. Некий Расторгуев, известный бандит, приходит к Макару с предложением: тот должен отправить такую-то женщину по необходимому адресу, а взамен получить деньги. Работа – не бей лежачего. Экстрасенс, конечно, соглашается. Он же не знает по молодости-глупости, что связываться с преступным миром опасно. А когда понимает, во что его угораздило вляпаться, уже поздно что-то менять. Дело пахнет заказным убийством. Странно, почему избрали такой затейливый способ. Не проще ли пустить пулю в лоб или заточку в пень? И куда тогда делись парни, ее сын и друг ее сына? Их-то зачем было убивать? И опять же, как они это проворачивают на глазах у посетителей парка?

Я так углубилась в свои размышления, что, поднявшись на свой этаж и выходя из лифта, случайно задела одну женщину плечом. Только в этот момент я ее заметила и тут же извинилась. В ответ на меня направили гневливый, обиженный взгляд. Постоялица отеля уже давно вошла в лифт и скрылась от меня за толстыми стальными дверями, а я все так же стояла и смотрела ей вслед. И дело совершенно не в ней – этого человека я видела первый раз в жизни. А вот этот взгляд... Его я знала. Его я видела раньше. Взгляд огорчен-

ного ребенка, чье доверие обманули. Взгляд того, кто был мною предан.

«Лиза, почему ты ничего не делаешь? Я не могу так больше! Я не знаю, сколько я смогу все это выдерживать...»

«Я делаю! Делаю! Я просто не говорила, чтобы тебя не расстраивать! Я устроилась в какой-то дрянной магазин и принесла в отдел опеки справку о доходах. Я совершеннолетняя, я работаю. А они сказали, что этого недостаточно для отмены уже имеющегося опекуинства».

«И что же дальше? Что мне делать?»

«Ждать. В следующий раз, когда он тебя изобьет, мы пойдем в травмпункт и милицию), снимем побои, напишем заявление. А с этими данными – в суд. Пусть суд отменяет его опеку и переводит тебя под мое попечение».

«Сколько же мне еще с ним жить... После того как ты переехала в институтское общежитие, стало совсем худо».

«Я знаю, Виталька».

«Вот еще что... Я слышал, он звонил какой-то Нине Григорьевне. Это случайно не та женщина из отдела опеки?»

«Может быть. Там есть дама с таким именем. А о чем они говорили?»

«Точно не расслышал. Но тон, с которым он к ней обращался... С нами он так никогда не разговаривал, Лиза. И ни с кем, кого я знаю».

«Думаешь, они как-то связаны? Тогда понятно, почему мне отказали. И понятно, откуда он знает о каждом моем

шаге».

«А вдруг у него связи и в суде? И в милиции? И в прокуратуре?»

«Этого не может быть. Мы кого-нибудь найдем, кто нам поможет».

«Лиза, мы никого не найдем. Мы можем помочь только сами себе. Мы хотели пойти законным путем, он они нам не дали. Значит, мы пойдем своим путем».

Я смотрела в глаза одиннадцатилетнего ребенка и не понимала, откуда берется такая мудрость. Он разговаривал как взрослый. Он и был взрослым, запертым в тело маленького, хрупкого и болезненного мальчика, который в свою очередь был заперт в темной башне без окон и дверей, охраняемой жестокими стражниками, пропускающими к нему в камеру только инквизитора на его традиционную вечернюю пытку.

«Какой свой путь? У нас нет своего пути».

«Есть, Лиза. Нам нужно бежать».

* * *

Я очухалась у себя в номере на кровати. Не знаю, как я здесь оказалась, совершенно не помню. Шла на автопилоте. Первым делом потянулась к сотовому, чтобы позвонить Илье и сообщить последние известия. Затем передумала и откинула телефон в сторону. «Шаман-Москва» просил никому не говорить о нем. Я обязана уважать желание свое-

го информатора оставаться инкогнито. Придется заниматься этим Расторгуевым в одиночку. Но завтра. А сейчас необходимо ложиться спать, иначе утром не будет сил для расследования.

Начать я решила с Гороховой. Утром созвонилась с ней и договорилась о встрече. Через некоторое время уже была у нее дома.

Учительница встретила меня в очках, когда мы сели за стол, она опомнилась и, сняв их, положила на край столешницы. Затем посмотрела на меня светлыми близорукими глазами.

– Книгу читала, без очков уже не могу, шрифт в учебниках мелкий и блеклый. Телевизор тоже в очках смотрю, но в других – еще с подросткового возраста плохо вижу вдаль. А теперь вот с годами еще и дальнорукость прибавилась. Не старейте, Лиза!

– Я и не собираюсь.

Горохова улыбнулась.

– Спасибо вам, Лиза. Я ведь уже пять дней не веселилась, вся в слезах хожу. Ваше чувство юмора только и спасает меня.

Самое интересное, что я и не пыталась шутить.

Мы сидели на кухне, довольно скудно обставленной. Квартире требовался ремонт, впрочем, не капитальный. Так, поклеить обои и поменять некоторую мебель. На кухне, к примеру, рассохлось деревянное покрытие на шкафчиках и

ящичках, оно отклеивалось и отваливалось целыми кусками, а на полу протерся ламинат.

– Как ваши ученики? – попыталась я ее немного отвлечь от горестных мыслей.

Однако не удалось.

– Не знаю. Я взяла больничный, когда это случилось с Мишей, и с тех пор в школе не появлялась. В середине июня экзамен, тогда и выйду: сменный учитель не может его принимать, у него опыта мало.

– Ясно. А Миша учится в той школе, где вы преподаете?

Чайник вскипел, Надежда поднялась и достала две чашки.

– Да, мне пришлось перевести его к себе, – помедлив, ответила она.

– А что так?

– Понимаете, Лиза, мой Миша относится к категории «трудный ребенок». Он не раз попадал в детскую комнату милиции. Сейчас это отдел по делам несовершеннолетних. В результате его исключили из той школы, а тут я на хорошем счету, очень давно работаю, потому мне директор разрешила перевести сына сюда.

Когда на столе появились дымящиеся чашки чая, в моей голове возник новый вопрос:

– А вы в какой школе преподаете?

– В сто двадцать первой. Здесь за углом.

– А Витя Катаев?

– Оттуда же. За год учебы они сдружились так, словно бра-

тъями стали.

– А что, Витя тоже хулиган?

– Да. Но более, так скажем, мирный. Мне кажется, он уравновешивал моего Мишку. Хотя тоже непростой мальчик, характер будь здоров.

Мы еще немного поговорили о мальчиках и о жизни самой Надежды, но вскоре, невзирая на то, что она, в отличие от меня, была откровенным человеком, я заметила, что моим вопросам она более не радуется, мое нездоровое любопытство стало ее напрягать. А я на самом деле дергала абсолютно за все подходящие и даже неподходящие ниточки в надежде услышать необходимую фамилию. Наконец я решила спросить прямо:

– Вы не знаете никого по фамилии Расторгуев?

– Вы имеете в виду певца? – удивилась учительница.

– Нет. Может, от сына что-то слышали? Или от семьи Катаевых?

– Да нет, я с Катаевыми особенно не общалась. А Мишка особенно не общался со мной. Сами понимаете, неблагополучная семья, отца нет, ребенок больше тянется ко всяким маргиналам, нежели к родной матери. О близких отношениях не может идти речи. Это пока у него возраст юный, я еще имела какой-никакой вес. Не скажу, что являлась для сына авторитетом, но все-таки слушался через раз. А станет постарше, уж и не знаю, что будет... Если станет, – с болью добавила она и уронила лицо в ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.